Клайв С. Льюис

КОНЬ И ЕГО МАЛЬЧИК

Конь и его мальчик
Клайв Стейплз Льюис

Аннотация
Клайв Льюис. Конь и его мальчик
Глава первая. Побег
Глава вторая. Первое приключение
Глава третья. У врат Ташбаана
Глава четвёртая. Король и королева
Глава пятая. Принц Корин
Глава шестая. Шаста среди усыпальниц
Глава седьмая. Аравита в Ташбаане
Глава восьмая. Аравита во дворце
Глава девятая. Пустыня
Глава десятая. Отшельник
Глава одиннадцатая. Неприятный спутник
Глава двенадцатая. Шаста в Нарнии
Глава тринадцатая. Битва
Глава четырнадцатая. О том, как Игого стал умнее
Глава пятнадцатая. Рабадаш Вислоухий

Аннотация

Усыновленный в младенчестве мальчик и украденная лошадь устремились галопом к долгожданной свободе в Нарнию. Нарния – волшебная страна, где лошади разговаривают, а отшельники иногда искренне радуются компании; где злодей превращается в вислоухого осла, а отважный мальчик с чистой душой и открытым сердцем отправляется в бой, и подвиг его будет щедро вознагражден.

Нарния – волшебная страна, где приключение только начинается.

Клайв Льюис
Конь и его мальчик

Посвящается Дэвиду и Дугласу Грэшэмам

Глава первая
Побег

Это повесть о событиях, случившихся в Нарнии и к Югу от неё тогда, когда ею правили король Питер и его брат и две сестры. В те дни далеко на Юге, у моря, жил бедный рыбак по имени Аршиш, а с ним мальчик по имени Шаста, звавший его отцом. Утром Аршиш выходил в море ловить рыбу, а днём запрягал осла, клал рыбу в повозку

и ехал в ближайшую деревню торговать. Если он выручал много, он возвращался в добром духе и Шасту не трогал; если выручал мало, придирался, как только мог, и даже бил мальчика. Придраться было нетрудно, Шаста делал по дому всё — стирал и чинил сети, стряпал и убирал.

Шаста никогда не думал о том, что лежит от них к Югу; он бывал с Аршишем в деревне, и ему там не нравилось. Он видел точно таких людей, как его отец, — в грязных длинных одеждах, сандалиях и тюрбанах, с грязными длинными бородами, медленно толковавших об очень скучных делах. Зато его живо занимало всё, что лежит к Северу; но туда его не пускали. Чиня на пороге сети, он с тоской глядел на Север, но видел только склон холма, небо и редких птиц.

Когда Аршиш сидел дома, Шаста спрашивал: «Отец, что там, за холмом?» Если Аршиш сердился, он драл его за уши, если же был спокоен, отвечал: «Сын мой, не думай о пустом. Как сказал мудрец, прилежание — корень успеха, а те, кто задаёт пустые вопросы, ведут корабль глупости на рифы неудачи».

Шасте казалось, что за холмом — какая-то дивная тайна, которую отец до поры скрывает от него. На самом же деле рыбак говорил так, ибо

не знал, да и знать не хотел, какие земли лежат к Северу. У него был практический ум.

Однажды с Юга прибыл незнакомец, совсем иной, чем те, кого видел Шаста до сих пор. Он сидел на прекрасном коне, и седло его сверкало серебром. Сверкали и кольчуга, и острие шлема, торчащее над тюрбаном. На боку его висел ятаган, спину прикрывал медный щит, в руке было копьё. Незнакомец был тёмен лицом, но Шаста привык к темнолицым, удивило его иное: борода, выкрашенная в алый цвет, вилась кольцами и лоснилась от благовоний. Аршиш понял, что это — тархан, то есть вельможа, и склонился до земли, незаметно показывая Шасте, чтобы и тот преклонил колени.

Незнакомец попросил ночлега на одну ночь, и Аршиш не посмел отказать ему. Все лучшее, что было в доме, хозяин поставил перед ним, а мальчику (так всегда бывало, когда приходили гости)

дал кусок хлеба и выгнал во двор. В таких случаях Шаста спал с ослом, в стойле; но было ещё рано и, поскольку никто никогда не говорил ему, что нельзя подслушивать, он сел у самой стены.

— О хозяин! — промолвил тархан. — Мне угодно купить у тебя этого мальчика.

— О господин мой! — отвечал рыбак, и Шаста угадал по его голосу, что глазки у него блеснули. — Как продам я, твой верный раб, своего собственного сына? Разве не сказал поэт: «Сильна, как смерть, отцовская любовь, а сыновняя дороже, чем алмазы»?

— Возможно, — сухо выговорил тархан, — но другой поэт говорил: «Кто хочет гостя обмануть — подлее, чем гиена». Не оскверняй ложью свои уста. Он тебе не сын, ибо ты тёмен лицом, а он светел и бел, как проклятые, но прекрасные нечестивцы с Севера.

— Дивно сказал кто-то, — отвечал рыбак, — что око мудрости острее копья! Знай же, о мой высокородный гость, что я, по бедности своей, никогда не был женат. Но в год, когда Тисрок (да живет он вечно) начал своё великое и благословенное царствование, в ночь полнолуния, боги лишили меня сна. Я встал с постели и вышел поглядеть на луну. Вдруг послышался плеск воды, словно

кто-то грёб вёслами, и слабый крик. Немного позже прилив прибил к берегу маленькую лодку, в которой лежал иссушённый голодом человек. Должно быть, он только что умер, ибо он ещё не остыл, а рядом с ним был пустой сосуд и живой младенец. Вспомнив о том, что боги не оставляют без награды доброе дело, я прослезился, ибо раб твой мягкосердечен, и…

— Не хвали себя, — прервал его тархан. — Ты взял младенца, и он отработал тебе вдесятеро твою скудную пищу. Теперь скажи мне цену, ибо я устал от твоего пусторечия.

— Ты мудро заметил, господин, — сказал рыбак, — что труд его выгоден мне. Если я продам этого отрока, я должен купить или нанять другого.

— Даю тебе пятнадцать полумесяцев, — сказал тархан.

— Пятнадцать! — взвыл Аршиш. — Пятнадцать монет за усладу моих очей и опору моей старости! Не смейся надо мною, я сед. Моя цена — семьдесят полумесяцев.

Тут Шаста поднялся и тихо ушёл. Он знал, как люди торгуются. Он знал, что Аршиш выручит за него больше пятнадцати монет, но меньше семидесяти и что спор протянется не один час.

Не думайте, что Шаста чувствовал то самое, что почувствовали бы вы, если бы ваши родители решили вас продать. Жизнь его была не лучше рабства, и тархан мог оказаться добрее, чем Аршиш. К тому же он очень обрадовался, узнав свою историю. Он часто сокрушался прежде, что не может любить рыбака, и когда понял, что тот ему чужой, с души его упало тяжкое бремя. «Наверное, я сын какого-нибудь тархана, — думал он, — или Тисрока (да живет он вечно), а то и божества!»

Так думал он, стоя перед хижиной, а сумерки сгущались, и редкие звёзды уже сверкали на небе, хотя у заднего края оно отливало багрянцем. Конь пришельца, привязанный к столбу, мирно щипал траву. Шаста погладил его по холке, но конь не обратил внимания.

И Шаста подумал: «Кто его знает, какой он, этот тархан!»

— Хорошо, если он добрый, — продолжал он вслух. — У некоторых тарханов рабы носят шёлковые одежды и каждый день едят мясо. Может быть, он возьмет меня в поход, и я спасу ему жизнь, и он освободит меня, и усыновит, и подарит дворец… А вдруг он жестокий? Тогда он закуёт меня в цепи. Как бы узнать? Конь-то знает, да не скажет.

Конь поднял голову, и Шаста погладил его шёлковый нос.

— Ах, умел бы ты говорить! — воскликнул он.

— Я умею, — тихо, но внятно отвечал конь.

Думая, что это ему снится, Шаста всё-таки крикнул:

— Быть того не может!

— Тише! — сказал конь. — На моей родине есть говорящие животные.

— Где это? — спросил Шаста.

— В Нарнии, — отвечал конь.

— Меня украли, — рассказывал конь, когда оба они успокоились. — Если хочешь, взяли в плен. Я был тогда жеребёнком, и мать запрещала мне убегать далеко к Югу, но я не слушался. И поплатился же я за это, видит Лев! Много лет я служу злым людям, притворяясь тупым и немым, как их кони.

— Почему же ты им не признаёшься?

— Не такой я дурак! Они будут показывать меня на ярмарках и сторожить ещё сильнее. Но оставим пустые беседы. Ты хочешь знать, каков мой хозяин Анрадин. Он жесток. Со мной — не очень, кони дороги, а тебе, человеку, лучше умереть, чем быть рабом в его доме.

— Тогда я убегу, — сказал Шаста, сильно по-

бледнев.

— Да, беги, — сказал конь. — Со мною вместе.

— Ты тоже убежишь? — спросил Шаста.

— Да, если ты тоже убежишь, — сказал конь. — Тогда мы, может быть, и спасёмся. Понимаешь, если я буду без всадника, люди увидят меня и скажут: «У него нет хозяина» — и погонятся за мной. А с всадником — другое дело… Вот и помоги мне. Ты ведь далеко не уйдёшь на этих дурацких ногах (ну и ноги у вас, людей!), тебя поймают. Умеешь ты ездить верхом?

— Конечно, — сказал Шаста. — Я часто езжу на осле.

— На *чём*? Ха-ха-ха! — презрительно усмехнулся конь (во всяком случае, хотел усмехнуться, а вышло скорей «го-го-го!..», у говорящих коней лошадиный акцент сильнее, когда они не в духе). — Да, — продолжал он, — словом, не умеешь. А падать хотя бы?

— Падать умеет всякий, — отвечал Шаста.

— Навряд ли, — сказал конь. — Ты умеешь падать, и вставать, и, не плача, садиться в седло, и снова падать, и не бояться?

— Я… постараюсь, — сказал Шаста.

— Бедный ты, бедный, — гораздо ласковей сказал конь, — всё забываю, что ты — детёныш. Ну

ничего, со мной научишься! Пока эти двое спорят, будем ждать, а заснут — тронемся в путь. Мой хозяин едет на Север, в Ташбаан, ко двору Тисрока.

— Почему ты не прибавил «да живет он вечно»? — испугался Шаста.

— А зачем? — спросил конь. — Я свободный гражданин Нарнии. Мне не пристало говорить, как эти рабы и недоумки. Я не хочу, чтобы он вечно жил, и знаю, что он умрёт, чего бы ему ни желали. Да ведь и ты свободен, ты — с Севера. Мы с тобой не будем говорить на их манер! Ну, давай обсуждать наши планы. Я уже сказал, что мой человек едет на Север, в Ташбаан.

— Значит, нам надо ехать к Югу?

— Нет, — сказал конь. — Если бы я был нем и глуп, как здешние лошади, я побежал бы домой, в своё стойло. Дворец наш — на Юге, в двух днях пути. Там он и будет меня искать. Ему и не догадаться, что я двинусь к Северу. Скорее всего, он решит, что меня украли.

— Ура! — закричал Шаста. — На Север! Я всегда хотел его увидеть.

— Конечно, — сказал конь, — ведь ты оттуда. Я уверен, что ты хорошего северного рода. Только не кричи. Скоро они заснут.

— Я лучше посмотрю, — сказал Шаста.

— Хорошо, — сказал конь. — Только поосторожней.

Было совсем темно и очень тихо, одни лишь волны плескались о берег, но этого Шаста не замечал, он слышал их день и ночь, всю жизнь. Свет в хижине погасили. Он прислушался, ничего не услышал, подошёл к единственному окошку и различил секунды через две знакомый храп. Ему стало смешно: подумать только, если всё пойдёт как надо, он больше никогда этих звуков не услышит! Стараясь не дышать, он немножко устыдился, но радость была сильнее стыда. Тихо пошёл он по траве к стойлу, где был ослик, — он знал, где лежит ключ, отпер дверь, отыскал седло и уздечку: их спрятали туда на ночь.

Потом поцеловал ослика в нос и прошептал: «Прости, что мы тебя не берём».

— Пришёл наконец! — сказал конь, когда он вернулся. — Я уже гадал, что с тобой случилось.

— Я доставал твои вещи из стойла, — ответил Шаста. — Ты не скажешь, как их приладить?

Потом довольно долго он их прилаживал, стараясь ничем не звякнуть. «Тут потуже, — говорил конь. — Нет, вот здесь. Подтяни ещё». Напоследок он сказал:

— Вот смотри, это поводья, но ты их не трогай.

Приспособь их посвободней к луке седла, чтобы я двигал головой, как хотел. И главное, не трогай.

— Зачем же они тогда? — спросил Шаста.

— Чтобы меня направлять, — отвечал конь. — Но сейчас выбирать дорогу буду я, тебе их трогать ни к чему. А ещё — не вцепляйся мне в гриву.

— За что же мне держаться? — снова спросил Шаста.

— Сжимай покрепче колени, — сказал конь. — Тогда и научишься хорошо ездить. Сжимай мне коленями бока сколько хочешь, а сам сиди прямо и локти не растопыривай. Что ты там делаешь со шпорами?

— Надеваю, конечно, — сказал Шаста. — Уж это я знаю.

— Сними их и положи в перемётную суму. Продадим в Ташбаане. Снял? Ну, садись в седло.

— Ох, какой ты высокий! — с трудом выговорил Шаста после первой неудачной попытки.

— Я конь, что поделаешь, — сказал конь. — А ты на меня лезешь, как на стог сена. Вот так получше! Теперь *распрямись* и помни насчёт коленей. Смешно, честное слово! На мне скакали в бой великие воины, и дожил я до такого мешка! Что ж, поехали. — И он засмеялся, но не сердито.

Конь превзошёл себя, так он был осторожен.

Сперва он пошёл на Юг, старательно оставляя следы на глине, и начал переходить вброд речку, текущую в море, но на самой её середине повернул и пошёл против течения. Потом он вышел на каменистый берег — там следов не оставишь — и долго двигался шагом, пока хижина, стойло, дерево — словом всё, что знал Шаста, — не растворилось в серой мгле июльской ночи. Тогда Шаста понял, что они уже на вершине холма, отделявшего от него мир. Он не мог толком разобрать, что впереди — как будто и впрямь весь мир, очень большой, пустой, бесконечный.

— Ах, — обрадовался конь, — самое место для галопа!

— Ой, не надо! — сказал Шаста. — Я ещё не могу… пожалуйста, конь! Да, как тебя зовут?

— И-йо-го-го-га-га-га-а!..

— Мне не выговорить, — сказал Шаста. — Можно я буду звать тебя Игого?

— Что ж, зови, если иначе не можешь, — согласился конь. — А тебя как называть?

— Шаста.

— Да… Вот это и впрямь не выговоришь. А насчет галопа ты не бойся, он легче рыси, не надо подниматься-опускаться. Сожми меня коленями (это называется шенкеля) и смотри прямо между

ушей. Только не гляди вниз! Если покажется, что падаешь, сожми сильнее, выпрями спину. Готов? Ну, во имя Нарнии!..

Глава вторая
Первое приключение

Солнце стояло высоко, когда Шаста проснулся, ибо что-то тёплое и влажное прикоснулось к его щеке.

Открыв глаза, он увидел длинную конскую морду, вспомнил вчерашние события, сел и громко застонал.

— Ой, — еле выговорил он, — всё у меня болит. Всё как есть. Еле двигаюсь.

— Здравствуй, маленький друг, — сказал

конь. — Ты не бойся, это не от ушибов, ты и упал-то раз десять, и всё на траву. Даже приятно… Правда, один раз ты отлетел далеко, но угодил в куст. Словом, это не ушибы, так всегда бывает поначалу. Я уже позавтракал. Завтракай и ты.

— Какой там завтрак! — сказал Шаста. — Говорю же, я двинуться не могу.

Но конь не отставал; он трогал несчастного и копытом, и мордой, пока тот не поднялся на ноги, а поднявшись — не огляделся. Оттуда, где они ночевали, спускался пологий склон весь в белых цветочках. Далеко внизу лежало море — так далеко, что едва доносился всплеск волн. Шаста никогда не смотрел на него сверху и не представлял, какое оно большое и разноцветное. Берег уходил направо и налево, белая пена кипела у скал, день был ясный, солнце сверкало. Особенно поразил Шасту здешний воздух. Он долго не мог понять, чего же не хватает, пока не догадался, что нету главного — запаха рыбы. (Ведь там — и в хижине, и у сетей — рыбой пахло всегда, сколько он себя помнил.) Это ему очень понравилось, и прежняя жизнь показалась давним сном. От радости он забыл о том, как болит всё тело, и спросил:

— Ты что-то сказал насчет завтрака?

— Да, — ответил конь, — посмотри в сумках. Ты их повесил на дерево ночью… нет, скорей под утро.

Он посмотрел и нашёл много хорошего: совсем свежий пирог с мясом, кусок овечьего сыра, горстку сушёных фиг, плоский сосудец с вином и кошелек с деньгами. Столько денег — сорок полумесяцев — он никогда ещё не видел.

Потом он осторожно сел у дерева, прислонился спиной к стволу и принялся за пирог; конь тем временем пощипывал травку.

— А мы можем взять эти деньги? — спросил Шаста. — Это не воровство?

— Как тебе сказать, — отвечал конь, прожёвывая траву. — Конечно, свободные говорящие звери красть не должны, но это… Мы с тобой бежали из плена, мы — в чужой земле, деньги — наша добыча. И потом, без них не прокормишься. Насколько мне известно, вы, люди, не едите травы и овса.

— Не едим.

— А ты пробовал?

— Да, бывало. Нет, не могу. И ты бы не мог на моём месте.

— Странные вы твари, — заметил конь.

Пока Шаста доедал лучший завтрак в своей

жизни, друг его сказал: «Покатаюсь-ка, благо — без седла!..» Лег навзничь и стал кататься по земле, приговаривая:

— Ах, хорошо! Спину почешешь, ногами помашешь. Покатайся и ты, сразу легче станет.

Но Шаста засмеялся и сказал:

— Какой ты смешной!

— Ничего подобного! — ответил конь, но тут же лёг на бок и испуганно прибавил: — Неужели смешной?

— Да, — отвечал Шаста. — Ну и что?

— А вдруг говорящие лошади так не делают? — перепугался конь. — Вдруг эта глупая, *здешняя* привычка? Какой ужас! Прискачу в Нарнию, и окажется, что я не умею себя вести. Как ты думаешь, Шаста? Нет, честно. Я не обижусь. Настоящие, свободные кони… говорящие… они катаются?

— Откуда же мне знать? Да ты не бойся! Приедем — увидим. Ты знаешь дорогу?

— До Ташбаана — знаю. Потом дороги нет, там большая пустыня. Ничего, одолеем! Нам будут видны горы, ты подумай — северные горы! За ними Нарния! Только бы пройти Ташбаан! От остальных городов надо держаться подальше.

— Обойти его нельзя?

— Тогда придётся сильно кружить, боюсь заплутаться. В глубине страны — большие дороги, возделанные земли… Нет, пойдем вдоль берега. Тут нет никого, кроме овец, кроликов и чаек, разве что пастух-другой. Что ж, тронемся?

Шаста оседлал коня и с трудом сел в седло, ноги у него болели, но Игого сжалился над ним и до самых сумерек шёл шагом. Когда уже смеркалось, они спустились по тропкам в долину и увидели селение. Шаста спешился и купил там хлеба, лука и редиски, а конь, обогнув селение, остановился дальше, в поле. Через два дня они снова так сделали, и через четыре — тоже.

Все эти дни Шаста блаженствовал. Ноги и руки болели все меньше. Конь уверял, что он сидит в седле, как мешок («Стыдно, если нас увидят!» — говорил он), но учителем был терпеливым — никто не научит ездить верхом лучше, чем сама лошадь. Шаста уже не боялся рыси и не падал, когда конь останавливался с разбегу или неожиданно кидался в сторону (оказывается, так часто делают в битве). Конечно, Шаста просил, чтобы конь рассказал ему о том, как сражался вместе с тарханом; и тот рассказывал, как они переходили вброд реки, и долго шли без отдыха, и бились с вражьим войском. Боевые кони, самой

лучшей крови, бьются не хуже воинов: кусаются, лягаются и умеют, когда надо, повернуться так, чтобы всадник получше ударил врага мечом или боевым топориком. Но рассказывал он реже, чем Шаста о том просил.

— Ладно, не надо, — говорил он. — Сражался я по воле Тисрока, словно раб или немая лошадь. Вот в Нарнии, среди своих, я буду сражаться как свободный! За Нарнию! О-го-го-го-о!

Вскоре Шаста понял, что после таких речей конь пускается в галоп.

Уже не одну неделю двигались они вдоль моря и видели больше бухточек, речек и селений, чем Шаста мог запомнить. Однажды в лунную ночь они не спали, ибо выспались днем, в путь вышли под вечер. Оставив позади холмы, они пересекли равнину. Слева, в полумиле, был лес. Море лежало справа, за низкой песчаной дюной. Конь то шёл шагом, то пускался рысью, но вдруг он резко остановился.

— Что там? — спросил Шаста.

— Тиш-ш! — сказал конь, насторожив уши. — Ты ничего не слыхал? Слушай!

— Как будто лошадь, к лесу поближе, — сказал Шаста, послушав с минутку.

— Да, это лошадь, — сказал конь. — Ах, нехо-

рошо!..

— Ну, что такого, крестьянин едет! — сказал Шаста.

— Крестьяне так не ездят, — возразил Игого, — и кони у них не такие. Это настоящий конь и настоящий тархан. Нет, не конь… слишком легко ступает… так, так… Это прекраснейшая кобыла.

— Что ж, сейчас она остановилась, — сказал Шаста.

— Верно, — сказал конь. — А почему? Ведь и мы остановились… Друг мой, кто-то выследил нас.

— Что же нам делать? — тихо спросил Шаста. — Как ты думаешь, они нас видят?

— Нет, слишком темно, — сказал конь. — Смотри, вон туча! Когда она закроет луну, мы как можно тише двинемся к морю. Если что, песок нас скроет.

Они подождали и сперва шагом, потом лёгкой рысью двинулись к берегу. Но туча была уж очень тёмной, а море всё не показывалось. Шаста подумал: «Наверное, мы уже проехали дюны», как вдруг сердце у него упало: оттуда, спереди, послышалось долгое, скорбное, жуткое рычание. В тот же миг конь повернул и понесся во весь опор к лесу, от берега.

— Что это? — еле выговорил Шаста.

— Львы! — на скаку отвечал конь, не оборачиваясь.

После этого оба молчали, пока перед ними не сверкнула вода. Конь перешёл вброд широкую мелкую речку и остановился. Он весь вспотел и сильно дрожал.

— Теперь не унюхают, — сказал конь, немного отдышавшись. — Вода отбивает запах. Пройдемся немного.

Пока они шли, он сказал:

— Шаста, мне очень стыдно. Я перепугался, как немая тархистанская лошадь. Да, я недостоин называться говорящим конём. Я не боюсь мечей, и копий, и стрел, но *это… это…* Пройдусь-ка я рысью.

Но рысью он шёл недолго; уже через минуту он пустился галопом, что неудивительно, ибо совсем близко раздался глухой рёв, на сей раз — слева, из леса.

— Ещё один, — проговорил он на бегу.

— Эй, слушай, — крикнул Шаста, — та лошадь тоже скачет!

— Ну и хо-хо-хорошо! — выговорил конь. — У тархана меч… Он защитит нас.

— Что ты! — сказал Шаста. — Тебе всё львы да львы! Нас могут поймать. Меня повесят как

конокрада!

Он меньше, чем конь, боялся львов, потому что никогда их не видел.

Конь только фыркнул в ответ и прянул вправо. Как ни странно, другая лошадь прянула влево, и вслед за этим кто-то зарычал — сначала справа, потом слева. Лошади кинулись друг к другу. Львы, видимо, тоже — они рычали попеременно с обеих сторон, не отставая от скачущих лошадей. Наконец луна выплыла из-за туч, и в ярком свете Шаста увидел ясно, как днем, что лошади несутся морда к морде, словно на скачках. Игого потом говорил, что таких скачек в Тархистане и не видывали.

Шаста уже не надеялся ни на что. Он думал лишь о том, сразу съедает тебя лев или сперва играет, как кошка с мышкой, и очень ли это больно. Думал он об этом, но видел всё (так бывает в очень страшные минуты). Он видел, что другой всадник мал ростом, что кольчуга его ярко сверкает, в седле он сидит как нельзя лучше, а бороды у него нет.

Что-то блеснуло внизу перед ними. Прежде чем Шаста догадался, что это, он услышал всплески и ощутил во рту вкус соленой воды. Они попали в узкий рукав, отходящий от моря. Обе лошади

плыли, и вода доходила Шасте до колен. Сзади слышалось сердитое рычание, и, оглянувшись, Шаста увидел у воды темную глыбу, но одну. «Другой лев отстал», — подумал он.

По-видимому, лев не собирался ради них лезть в воду. Кони наполовину переплыли узкий залив, другой берег уже был виден, а тархан не говорил ни слова. «Заговорит, — подумал Шаста. — Как только выйдем на берег. Что я ему скажу? Надо что-нибудь выдумать...»

И тут он услышал два голоса.

— Ах, как я устала!.. — говорил один.

— Тише, Уинни! — говорил другой. — Придержи язычок!

«Это мне нравится, — подумал Шаста. — Честное слово, та лошадь заговорила!»

Вскоре обе лошади уже не плыли, шли, а потом — вылезли на берег. Вода струилась с них, камешки хрустели под копытами. Маленький всадник, как это ни странно, ни о чём не спрашивал. Он даже не глядел на Шасту. Но Игого вплотную подошел к другой лошади и громко фыркнул.

— Стой! — сказал он. — Я тебя слышал. Меня не обманешь. Госпожа моя, ты — говорящая лошадь, ты тоже из Нарнии!

— Тебе какое дело? — вскрикнул странный

тархан и схватился за эфес. Но голос его кое-что подсказал Шасте.

— Да это девочка! — догадался он.

— А тебе какое дело? — продолжала незнакомка. — Зато ты — мальчик! Грубый, глупый мальчишка! Наверное — раб и конокрад.

— Нет, маленькая госпожа, — сказал конь. — Он не украл меня. Если уж на то пошло, я его украл. Что же до того, моё ли это дело — посуди сама. Земляки непременно приветствуют друг друга на чужбине.

— Конечно, — поддержала его лошадь.

— Уж ты-то молчи! — сказала девочка. — Видишь, в какую беду я из-за тебя попала!

— Никакой беды нет, — сказал Шаста. — Можете ехать, куда ехали. Мы вас не держим.

— Ещё бы! — вскричала всадница.

— Как трудно с людьми! — сказал кобыле конь. — Ну просто мулы… Давай, мы с тобой разберёмся. Должно быть, госпожа, тебя тоже взяли в плен, когда ты была жеребёнком?

— Да, господин мой, — печально отвечала Уинни.

— А теперь ты бежала?

— Скажи ему, чтобы не лез, когда не просят, — вставила всадница.

— Нет, Аравита, не скажу, — ответила Уинни. — Я и впрямь бежала. Не только ты, но и я. Такой благородный конь нас не выдаст. Господин мой, мы держим путь в Нарнию.

— Конечно, — сказал конь. — И мы тоже. Всякий поймет, что оборвыш, едва сидящий в седле, откуда-то сбежал. Но не странно ли, что молодая тархина едет ночью, без свиты, в кольчуге своего брата, и боится чужих, и просит всех не лезть не в своё дело?

— Ну хорошо, — сказала девочка. — Ты угадал, мы с Уинни сбежали из дому. Мы едем в Нарнию. Что же дальше?

— Дальше мы будем держаться вместе, — ответил конь. — Надеюсь, госпожа моя, ты не откажешься от моей защиты и помощи?

— Почему ты спрашиваешь мою лошадь, а не меня? — разгневалась Аравита.

— Прости меня, госпожа, — сказал конь, чуть-чуть прижимая книзу уши, — у нас в Нарнии так не говорят. Мы с Уинни — свободные лошади, а не здешние немые клячи. Если ты бежишь в Нарнию, помни: Уинни — не «твоя лошадь». Скорее уж ты «её девочка».

Аравита раскрыла рот, но заговорила не сразу. Вероятно, раньше она так не думала.

— А всё-таки, — сказала она наконец, — зачем нам ехать вместе? Ведь нас скорее заметят.

— Нет, — сказал Игого, а Уинни его поддержала:

— Поедем вместе, поедем! Я буду меньше бояться. Я и дороги толком не знаю. Такой замечательный конь, куда умнее меня.

Шаста сказал:

— Оставь ты их! Видишь, они не хотят…

— Мы хотим! — перебила его Уинни.

— Вот что, — сказала девочка. — Против вас, господин конь, я ничего не имею, но откуда вы знаете, что этот мальчишка нас не выдаст?

— Скажи уж прямо, что я тебе — не компания! — воскликнул Шаста.

— Не кипятись, — сказал конь. — Госпожа права. Нет, — обратился он к ней, — я за него ручаюсь. Он верен мне, он добрый товарищ. К тому же он, несомненно, из Нарнии или Орландии.

— Хорошо, поедем вместе, — сказала Аравита, но не мальчику, а коню.

— Я очень рад! — сказал конь. — Что ж, вода — позади, звери — тоже, не расседлать ли вам нас, не отдохнуть ли и не послушать ли друг про друга?

Дети расседлали коней, кони принялись щипать траву, Аравита вынула из сумы много вкусных вещей. Шаста есть отказался, стараясь говорить как можно учтивей, словно настоящий вельможа, но в рыбачьей хижине этому не научишься, и получалось плохо. Он это, в сущности, понимал, становился всё угрюмей, вёл себя совсем уж неловко; кони же прекрасно поладили. Они вспоминали любимые места в Нарнии и выяснили, что приходятся друг другу троюродными братом и сестрой. Людям стало еще труднее, и тут Игого сказал:

— Маленькая госпожа, поведай нам свою повесть. И не спеши, за нами никто не гонится.

Аравита немедленно села, красиво скрестив ноги, и важно начала свой рассказ. Надо сказать

вам, что в этой стране и правду, и неправду рассказывают особым слогом; этому учат с детства, как учат у нас писать сочинения. Только рассказы эти слушать можно, а сочинений, если я не ошибаюсь, не читает никто и никогда.

Глава третья
У врат Ташбаана

— Меня зовут Аравитой, — начала рассказчица. — Я прихожусь единственной дочерью могучему Кидраш-тархану, сыну Ришти-тархана, сына Кидраш-тархана, сына Ильсомбраз-тисрока, сына Ардиб-тисрока, потомка богини Таш. Отец мой, владетель Калавара, наделён правом стоять в туфлях перед Тисроком (да живёт он вечно). Мать моя ушла к богам, и отец женился снова. Один из моих братьев пал в бою с мятежниками, другой еще мал. Случилось так, что мачеха меня невзлюбила, и солнце казалось ей чёрным, пока я жила в отчем доме. Потому она и подговорила своего супруга, а моего отца, выдать меня за

Ахошту-тархана. Человек этот низок родом, но вошёл в милость к Тисроку (да живёт он вечно), ибо льстив и весьма коварен, и стал тарханом, и получил во владение города, а вскоре станет великим визирем. Годами он стар, видом гнусен, кособок и повадкою схож с обезьяной. Но мой отец, повинуясь жене и прельстившись его богатством, послал к нему гонцов, которых Ахошта принял и прислал с ними послание о том, что женится на мне нынешним летом.

Когда я это узнала, солнце померкло для меня, и я легла на ложе и плакала целые сутки. Наутро я встала, умылась, велела оседлать кобылу по имени Уинни, взяла кинжал моего брата, погибшего в западных битвах, и поскакала в зелёный дол. Там я спешилась, разорвала мои одежды, чтобы сразу найти сердце, и взмолилась к богам, чтобы поскорее оказаться там же, где брат. Потом я закрыла глаза, сжала зубы, но тут кобыла моя промолвила, как дочь человеческая: «О госпожа, не губи себя! Если ты останешься жить, ты ещё будешь счастлива, а мёртвые — мертвы».

— Я выразилась не так красиво, — заметила Уинни.

— Ничего, госпожа, так надо! — сказал ей Иго-го, наслаждавшийся рассказом. — Это высокий

тархистанский стиль. Хозяйка твоя прекрасно им владеет. Продолжай, тархина!

— Услышав такие слова, — продолжала Аравита, — я подумала, что разум мой помутился с горя, и устыдилась, ибо предки мои боялись смерти не больше, чем комариного жала. Снова занесла я нож, но кобыла моя Уинни просунула морду между ним и мною и обратилась ко мне с разумнейшей речью, ласково укоряя меня, как мать укоряла бы дочь. Удивление мое было так сильно, что я забыла и о себе, и об Ахоште. «Как ты научилась говорить, о кобыла?» — обратилась я к ней, и она поведала то, что вы уже знаете: там, в Нарнии, живут говорящие звери, и её украли оттуда, когда она была жеребёнком. Рассказы её о тёмных лесах и светлых реках, и кораблях, и замках были столь прекрасны, что я воскликнула: «Молю тебя богиней Таш, и Азаротом, и Зардинах, владычицей мрака, отвези меня в эту дивную землю!» — «О госпожа! — отвечала мне кобыла моя Уинни. — В Нарнии ты обрела

бы счастье, ибо там ни одну девицу не выдают замуж насильно». Надежда вернулась ко мне, и я благодарила богов, что не успела себя убить. Мы решили вернуться домой и украсть друг друга. Выполняя задуманное нами, я надела в доме отца лучшие мои одежды и пела, и плясала, и притворялась весёлой, а через несколько дней обратилась к Кидраш-тархану с такими словами: «О услада моих очей, могучий Кидраш, разреши мне удалиться в лес на три дня с одной из моих прислужниц, дабы принести тайные жертвы Зардинах, владычице мрака и девства, как и подобает девице, выходящей замуж, ибо я вскоре уйду от неё к другим богам». И он отвечал мне: «Услада моих очей, да будет так».

Покинув отца, я немедленно отправилась к старейшему из его рабов, мудрому советнику, который был мне нянькой в раннем детстве и любил меня больше, чем воздух или ясный солнечный свет. Я велела ему написать за меня письмо. Он рыдал и молил меня остаться дома, но потом смирился и сказал: «Слушаю, о госпожа, и повинуюсь!» И я запечатала это письмо и спрятала его на груди.

— А что там было написано? — спросил Шаста.

— Подожди, мой маленький друг, — сказал

Игого. — Ты портишь рассказ. Мы всё узнаем во благовременье. Продолжай, тархина.

— Потом я кликнула рабыню и велела ей разбудить меня до зари, и угостила её вином, и подмешала к нему сонного зелья. Когда весь дом уснул, я надела кольчугу погибшего брата, которая хранилась в моих покоях, взяла все деньги, какие у меня были, и драгоценные камни, и еду. Я оседлала сама кобылу мою Уинни, и ещё до второй стражи мы с нею ушли — не в лес, как думал отец, а на север и на восток, к Ташбаану.

Я знала, что трое суток, не меньше, отец не будет искать меня, обманутый моими словами. На четвёртый же день мы были в городе Азым Балдах, откуда идут дороги во все стороны нашего царства, и особо знатные тарханы могут послать письмо с гонцами Тисрока (да живёт он вечно). Потому я пошла к начальнику этих гонцов и сказала: «О несущий весть, вот письмо от Ахошты-тархана к Кидрашу, владетелю Калавара! Возьми эти пять полумесяцев и пошли гонца». А начальник сказал мне: «Слушаю и повинуюсь».

В этом письме было написано: «От Ахошты к Кидраш-тархану привет и мир. Во имя великой Таш, непобедимой, непостижимой, знай, что на пути к тебе я милостью судеб встретил твою

дочь, тархину Аравиту, которая приносила жертвы великой Зардинах, как и подобает девице. Узнав, кто передо мною, я был поражён её красой и добродетелью. Сердце мое воспылало, и солнце показалось бы мне чёрным, если бы я не заключил с ней немедля брачный союз. Я принёс должные жертвы, в тот же час женился и увёз прекрасную в мой дом. Оба мы молим и просим тебя поспешить к нам, дабы порадовать нас ликом своим, и речью, и захватить с собой приданое моей жены, которое нужно мне незамедлительно, ибо я потратил немало на свадебный пир. Надеюсь и уповаю, что тебя, моего истинного брата, не разгневает поспешность, вызванная лишь тем, что я полюбил твою дочь великой любовью. Да хранят тебя боги».

Отдавши это письмо, я поспешила покинуть Азым Балдах, дабы миновать Ташбаан к тому дню, когда отец мой прибудет туда или пришлёт гонцов. На этом пути за нами погнались львы, и мы повстречались с вами.

— А что было дальше с той девочкой? — спросил Шаста.

— Её высекли, конечно, за то, что она проспала, — ответила Аравита. — И очень хорошо, она ведь наушничала мачехе.

— А по-моему, плохо, — сказал Шаста.

— Прости, — сказала Аравита, — тебя не спросила!

— И ещё одного я не понял, — продолжал он, — ты не взрослая, ты не старше меня, а то и моложе. Разве тебя можно выдать замуж?

Аравита не отвечала, но Игого сказал:

— Шаста, не срамись! У тархистанских вельмож так заведено.

Шаста покраснел (хотя в темноте никто не заметил), смутился и долго молчал. Игого тем временем поведал Аравите их историю, и Шасте показалось, что он слишком часто упоминает всякие падения и неудачи. Видимо, конь считал, что это забавно, хотя Аравита и не смеялась. Потом все легли спать.

Наутро все четверо продолжили свой путь, и Шаста думал, что вдвоём было лучше. Теперь Игого беседовал не с ним, а с Аравитой. Благородный конь долго жил в Тархистане, среди тарханов и тархин, и знал почти всех знакомых своей неожиданной попутчицы. «Если ты был под Зулиндрехом, ты должен был видеть Алимаша, моего родича», — говорила Аравита, а он отвечал: «Ну, как же! Колесница — не то, что мы, кони, но всё же он храбрый воин и добрый человек. После

битвы, когда мы взяли Тебёф, он дал мне много сахару». А то начинал Игого: «Помню, у озера Мезраэль…», и Аравита вставляла: «Ах, там жила моя подруга Лазорилина. Дол Тысячи Запахов… Какие сады, какие цветы, ах и ах!» Конь никак не думал оттеснить своего маленького приятеля, но когда встречаются существа одного круга, это выходит само собой.

Уинни сильно робела перед таким конем и говорила немного. А хозяйка её — или подруга — ни разу не обратилась к Шасте.

Вскоре, однако, им пришлось подумать о другом. Они подходили к Ташбаану. Селенья стали больше, дороги не так пустынны. Теперь они ехали ночью, днём — где-нибудь прятались и часто спорили о том, что же им делать в столице. Каждый предлагал своё, и Аравита, быть может, обращалась чуть-чуть приветливей к Шасте; человек становится лучше, когда обсуждает важные вещи, а не просто болтает.

Игого считал, что самое главное — условиться поточнее, где они встретятся по ту сторону столицы, если их почему-либо разлучат. Он предлагал старое кладбище — там стояли усыпальницы древних царей, а за ними начиналась пустыня. «Эти усыпальницы нельзя не заметить, они как

огромные ульи, — говорил конь. — И никто к ним не подойдёт, здесь очень боятся привидений». Аравита испугалась немного, но Игого заверил, что это — пустые тархистанские толки. Шаста поспешил сказать, что он — не тархистанец и никаких привидений не боится. Так это было или не так, но Аравита сразу же откликнулась (хотя и немного обиделась) и, конечно, сообщила, что не боится и она. Итак, решили встретиться среди усыпальниц, когда минуют город, и успокоились, но тут Уинни тихо заметила, что надо еще его миновать.

— Об этом, госпожа, мы потолкуем завтра, — сказал Игого. — Спать пора.

Однако назавтра, уже перед самой столицей, они столковаться не смогли. Аравита предлагала переплыть ночью огибающую город реку и вообще в Ташбаан не заходить. Игого возразил ей, что для Уинни эта река широка, особенно — с всадником (умолчав, что она широка и для него), да и вообще на ней днём и ночью много лодок и кораблей. Как не заметить, что плывут две лошади, и не проявить излишнего любопытства?

Шаста сказал, что лучше переплыть реку в другом, более узком месте, но Игого объяснил, что там по обе стороны дворцы и сады, а в садах

ночи напролёт веселятся тарханы и тархины. Именно в этих местах кто-нибудь непременно узнает Аравиту.

— Надо нам как-нибудь переодеться, — сказал Шаста.

Уинни предложила идти прямо через город, от ворот до ворот, стараясь держаться в густой толпе. Людям, сказала она, и впрямь хорошо бы переодеться, чтобы походить на крестьян или на рабов, а седла и красивую кольчугу завязать в тюки, которые они, лошади, понесут на спине. Тогда народ подумает, что дети ведут вьючных лошадей.

— Ну знаешь ли! — фыркнула Аравита. — Кого-кого, а *такого* коня за крестьянскую лошадь не примешь.

— Надеюсь, — вставил Игого, чуть-чуть прижимая уши.

— Конечно, мой план не очень хорош, — сказала Уинни, — но иначе нам не пройти. Нас с Игого давно не чистили, мы хуже выглядим — ну, хотя бы я… Если мы хорошенько выкатаемся в глине и будем еле волочить ноги и глядеть в землю, нас могут не заметить. Да, подстригите нам хвосты покороче и, если можно, неровно, клочками.

— Дорогая моя госпожа, — сказал Игого, — по-

думала ли ты, каково предстать в *таком* виде? Это же столица!

— Что поделаешь!.. — сказала смиренная лошадь (она была еще и разумной). — Главное — через столицу пройти.

Пришлось на всё это согласиться. Шаста украл в деревне мешок-другой и веревку (Игого назвал это «позаимствовал») и честно купил старую мальчишечью рубаху для Аравиты.

Вернулся он, торжествуя, когда уже смеркалось. Все ждали его в роще, у подножия холма, радуясь, что холм этот — последний. С его вершины они уже могли видеть Ташбаан. «Только бы город пройти...» — тихо сказал Шаста, а Уинни ответила: «Ах, правда, правда!»

Ночью они взобрались по тропке на холм и перед ними открылся огромный город, сияющий тысячью огней. Шаста, видевший это в первый раз, немного испугался, но всё же поужинал и поспал. Лошади разбудили его затемно.

Звёзды ещё сверкали, трава была влажной и очень холодной; далеко внизу, справа, над морем, едва занималась заря. Аравита отошла за дерево и вскоре вышла в мешковатой одежде, с узелком в руках. Узелок этот и кольчугу, и ятаган, и седло сложили в мешки. Лошади уже перепачкались,

как только могли; чтобы подрезать им хвосты, пришлось снова вынуть ятаган. Хвосты подрезали долго и не очень умело.

— Ну что это! — сказал Игого. — Ох, как бы я лягнулся, не будь я говорящим конём! Мне казалось, вы подстрижёте хвосты, а не повыдёргиваете…

Было почти темно, пальцы коченели от холода, но в конце концов с делом справились. Потом нагрузили поклажу, взяли верёвки (ими заменили уздечки и поводья) и двинулись вниз. Занимался день.

— Будем держаться вместе, сколько сможем, — напомнил Игого. — Если же нас разлучат, встретимся на старом кладбище. Тот, кто придёт туда первым, будет ждать остальных.

— Что бы ни случилось, — сказал лошадям Шаста, — не говорите ни слова.

Глава четвёртая
Король и королева

Сперва Шаста видел внизу только море мглы, над которым вставали купола и шпили; но когда рассвело и туман рассеялся, он увидел больше. Широкая река обнимала двумя рукавами великую столицу, одно из чудес света. По краю острова стояла стена, укреплённая башенками — их было так много, что Шаста скоро перестал считать. Остров был, как круглый пирог — посередине выше, и склоны его густо покрывали дома; наверху же гордо высились дворец Тисрока и храм богини

Таш. Между домами причудливо вились улочки, обсаженные лимонными и апельсиновыми деревьями, на крышах зеленели сады, повсюду пестрели и переливались арки, колоннады, шпили, минареты, балконы, плоские крыши. Когда серебряный купол засверкал на солнце, у Шасты сердце забилось от восторга.

— Идём же! — в который раз сказал ему конь.

Берега с обеих сторон были покрыты густыми, как лес, садами, а когда спустились ниже и Шаста ощутил сладостный запах фруктов и цветов, стало видно, что из-за деревьев выглядывают белые домики. Ещё через четверть часа путники шли меж беленых стен, из-за которых свешивались густые ветви.

— Ах, какая красота! — восхищался Шаста.

— Скорей бы она осталась позади, — сказал Игого. — К Северу, в Нарнию!

В этот миг торжественно и громко затрубили трубы. Хотя звук был красив, они немножко испугались.

— Это сигнал, — объяснил конь. — Сейчас откроют ворота. Ну, госпожа моя Аравита, опусти плечи, ступай тяжелее. Забудь, что ты тархина. Постарайся вообразить, что тобой всю жизнь помыкали.

— Если на то пошло, — ответила Аравита, — почему бы и тебе не согнуть немного шею? Забудь, что ты — боевой конь.

— Тише, — сказал Игого. — Мы пришли.

Так оно и было. Река перед ними разделялась на два рукава, и вода на утреннем солнце ярко сверкала. Справа, немного подальше, белели паруса; прямо впереди был высокий многоарочный мост. По мосту неспешно брели крестьяне. Одни несли корзины на голове, другие вели осликов и мулов. Путники наши как можно незаметней присоединились к ним.

— В чём дело? — шепнул Шаста Аравите, очень уж она надулась.

— Тебе-то что! — почти прошипела она. — Что тебе Ташбаан! А меня должны нести в паланкине, впереди — солдаты, позади — слуги… И прямо во дворец, к Тисроку (да живёт он вечно). Да, тебе что…

Шаста подумал, что всё это очень глупо.

За мостом гордо высилась городская стена. Медные ворота были открыты; по обе стороны, опираясь на копья, стояло человек пять солдат. Аравита невольно подумала: «Они бы мигом встали прямо, если бы узнали, кто мой отец!..» — но друзья её думали о том, чтобы солдаты не

обратили на них внимания. К счастью, так и вышло, только один из них схватил морковку из чьей-то корзины, запустил ею в Шасту и крикнул, грубо хохоча:

— Эй, парень! Худо тебе придётся, если хозяин узнает, что ты возишь поклажу на его коне!

Шаста испугался — он понял, что ни один воин или вельможа не примет Игого за вьючную лошадь, — но все же смог ответить:

— Он сам так велел!

Лучше бы ему промолчать — солдат тут же ударил его по уху и сказал:

— Ты у меня научишься говорить со свободными! — Но больше их никто не остановил. Шаста почти и не плакал, к битью он привык.

За стеной столица показалась ему не такой красивой. Улицы были узкие и грязные, стены — сплошные, без окон, народу — гораздо больше, чем он думал.

Крестьяне шли на рынок, но были тут и водоносы, и торговцы сладостями, и носильщики, и нищие, и босоногие рабы, и бродячие собаки, и куры. Если бы вы оказались там, вы бы прежде всего ощутили запах немытых людей, бродячих собак, лука, чеснока, мусора и помоев.

Шаста делал вид, что ведёт всех, но вел Игого,

указывая, куда свернуть. Они поднимались вверх, сильно петляя, и вышли, наконец, на обсаженную деревьями улицу. Воздух тут был получше. С одной стороны стояли дома, а с другой, за зеленью, виднелись крыши на уступе пониже и даже река далеко внизу. Чем выше подымались наши путники, тем становилось чище и красивей. То и дело попадались статуи богов и героев (скорее величественные, чем красивые), пальмы и аркады бросали тень на раскалённые плиты мостовой. За арками ворот зеленели деревья, пестрели цветы, сверкали фонтаны, и Шаста подумал, что там совсем неплохо.

Толпа, однако, была по-прежнему густой. Идти приходилось медленно, нередко — останавливаться; то и дело раздавался крик: «Дорогу, дорогу, дорогу тархану» — или: «…тархине» — или: «…пятнадцатому визирю» — или: «…посланнику» — и все, кто шёл по улице, прижимались к стене, а над головами Шаста видел носилки, которые несли на обнажённых плечах шесть великанов-рабов. В Тархистане только один закон уличного движения: уступи дорогу тому, кто важнее, если не хочешь, чтобы тебя хлестнули бичом или укололи копьём.

На очень красивой улице, почти у вершины

(где стоял дворец Тисрока), случилась самая неприятная из всех этих встреч.

— Дорогу светлоликому королю, гостю Тискора (да живёт он вечно)! — закричал зычный голос.

Шаста посторонился и потянул за собой Иого; но ни один конь, даже говорящий, не любит пятиться задом. Тут их толкнула женщина с корзинкой, приговаривая: «Лезут, сами не знают…», кто-то выскочил сбоку — и бедный Шаста, неведомо как, выпустил поводья. Толпа тем временем стала такой плотной, что отодвинуться дальше к стене он не мог и волей-неволей оказался в первом ряду.

Он не увидел никаких носилок. Посередине улицы шли пешком чрезвычайно странные люди, человек шесть. Тархистанец был один — тот, что кричал: «Дорогу!..», — остальные были светлые, белокожие, как он, а двое из них — и белокурые. Одеты они были тоже не так, как одеваются в Тархистане, — без шаровар и без халатов, в чём-то вроде рубах до колена (одна зелёная, как лес, две ярко-жёлтые, две голубые). Вместо тюрбанов у некоторых были стальные или серебряные шапочки, усыпанные драгоценными камнями, а у одного — ещё и с крылышками. Мечи у них были длинные, прямые, а не изогнутые, как ятаган.

А главное — в них самих он не заметил и следа присущей здешним вельможам важности. Они улыбались, смеялись, один — насвистывал, и сразу было видно, что они рады подружиться с любым, кто с ними хорош, и просто не замечают тех, кто с ними неприветлив. Глядя на них, Шаста подумал, что в жизни не видел таких приятных людей.

Однако насладиться зрелищем он не успел, ибо тот, кто шёл впереди, воскликнул:

— Вот он, смотрите!

И схватил его за плечо.

— Как вам не стыдно, ваше высочество! — продолжал он. — Королева глаза выплакала. Где же это видано, пропасть на всю ночь?! — Шаста спрятался бы под брюхом у коня или в толпе, но не мог — светлые люди окружили его, а один держал.

Конечно, он хотел сказать, что он — бедный сын рыбака и непонятный вельможа обознался, но тогда пришлось бы объяснить, где он взял коня, и кто такая Аравита. Он оглянулся, чтобы Игого помог ему, но тот не собирался оповещать толпу о своём особом даре. Что до Аравиты, на неё Шаста и взглянуть не смел, чтобы её не выдать. Да и времени не было — глава белокожих сказал:

— Будь любезен, Перидан, возьми его высо-

чество за руку, я возьму за другую. Ну, идём. Обрадуем поскорей сестру нашу, королеву.

Потом человек этот (наверное, король, потому что все говорили ему «ваше величество») принялся расспрашивать Шасту, где он был, как выбрался из дому, куда дел одежду, не стыдно ли ему и так далее. Правда, он сказал не «стыдно», а «совестно».

Шаста молчал, ибо не мог придумать, что бы такое ответить — и не попасть в беду.

— Молчишь? — сказал король. — Знаешь, принц, тебе это не пристало! Сбежать может всякий мальчик. Но наследник Орландии не станет трусить, как тархистанский раб.

Тут Шаста совсем расстроился, ибо молодой король понравился ему больше всех взрослых, которых он видел, и он хотел тоже ему понравиться.

Держа за обе руки, незнакомцы провели его узкой улочкой, спустились по ветхим ступенькам и поднялись по красивой лестнице к широким воротам в белой стене, по обе стороны которых росли кипарисы. За воротами и дальше, за аркой, оказался двор или скорее сад. В самой середине журчал прозрачный фонтан. Вокруг него на мягкой траве росли апельсиновые деревья; белые

стены были увиты розами.

Пыль и грохот исчезли. Белокожие люди вошли в какую-то дверь, тархистанец остался. Миновав коридор, где мраморный пол приятно холодил ноги, они прошли несколько ступенек — и Шасту ослепила светлая большая комната окнами на север, так что солнце здесь не пекло. По стенам стояли низкие диваны, на них лежали расшитые подушки, народу было много, и очень странного. Но Шаста не успел толком об этом подумать, ибо самая красивая девушка, какую он только видел, кинулась к ним и, плача, стала его целовать.

— О Корин, Корин! — воскликнула она. — Как ты мог?! Что я сказала бы королю Луму? Мы же с тобой такие друзья! Орландия с Нарнией — всегда в мире, а тут они бы поссорились… Как ты мог? Как тебе не совестно?

«Меня принимают за принца какой-то Орландии, — подумал Шаста. — А они, должно быть, из Нарнии. Где же этот Корин, хотел бы я знать?»

Но мысли эти не подсказали ему, как ответить.

— Где ты был? — спрашивала прекрасная девушка, обнимая его; и он ответил наконец:

— Я… я н-не знаю…

— Вот видишь, Сьюзен, — сказал король. — Ничего не говорит, даже солгать не хочет.

— Ваши величества! Королева Сьюзен! Король Эдмунд! — послышался голос, и, обернувшись, Шаста чуть не подпрыгнул от удивления. Говоривший (из тех странных людей, которых он заметил, войдя в комнату) был не выше его и от пояса вверх вполне походил на человека, а ноги у него были лохматые и с копытцами, сзади же торчал хвост. Кожа у него была красноватая, волосы вились, а из них торчали маленькие рожки. То бы фавн — Шаста в жизни их не видел, но мы с вами знаем из повести о Льве и Колдунье, кто они такие. Надеюсь, вам приятно узнать, что фавн был тот самый мистер Тумнус, которого Люси, сестра королевы Сьюзен, встретила в Нарнии, как только туда попала. Теперь он постарел, ибо Питер, Сьюзен, Эдмунд и Люси уже несколько лет правили Нарнией.

— У его высочества, — продолжал фавн, — лёгкий солнечный удар. Взгляните на него! Он ничего не помнит. Он даже не понимает, где он!

Тогда все перестали расспрашивать Шасту и ругать его, и положили на мягкий диван, и дали ему ледяного щербета в золотой чаше и сказали, чтоб он не волновался. Такого с ним в жизни не бывало, он даже не думал, что есть такие мягкие ложа и такие вкусные напитки. Конечно, он бес-

покоился, что с друзьями, и прикидывал, как бы сбежать, и гадал, что с этим Корином, но все эти заботы как-то меркли. Думая о том, что вскоре его и покормят, он рассматривал занятнейших существ, которых тут было немало.

За фавном стояли два гнома (их он тоже никогда не видел) и очень большой ворон. Прочие были люди, взрослые, но молодые, с приветливыми лицами и веселыми, добрыми голосами. Шаста стал прислушиваться к их разговору.

— Ну, Сьюзен, — говорил король той девушке, которая целовала Шасту, — мы торчим тут скоро месяц. Что же ты решила? Хочешь ты выйти за этого темнолицего типа?

Королева покачала головой.

— Нет, дорогой брат, — сказала она. — Ни за какие сокровища Ташбаана. (А Шаста подумал: «Ах, вон что! Они король и королева, но не муж и жена, а брат и сестра».)

— Я очень рад, — сказал король. — Когда он гостил в Кэр-Паравале, я удивлялся, что ты в нём нашла.

— Прости меня, Эдмунд, — сказала королева, — я такая глупая! Но вспомни, там, у нас, он был иной. Какие он давал пиры, как дрался на турнирах, как любезно и милостиво говорил! А здесь, у себя, он совершенно другой.

— Стар-ро, как мир! — прокаркал ворон. — Недаром говорится: «В берлоге не побываешь — медведя не узнаешь».

— Вот именно, — сказал один из гномов. — И ещё: «Вместе не поживёшь, друг друга не поймёшь».

— Да, — сказал король, — теперь мы увидели его дома, а не в гостях. Здесь, у себя, он гордый, жестокий, распутный бездельник.

— Асланом тебя прошу, — сказала королева, — уедем сегодня!

— Не так всё просто, сестра, — отвечал король. — Сейчас я открою, о чём думал последние дни. Перидан, будь добр, затвори дверь да погляди, нет ли кого за дверью. Так. Теперь мы поговорим о важных и тайных делах.

Все стали серьезны, а королева Сьюзен подбежала к брату.

— Эдмунд! — воскликнула она. — Что случилось? У тебя такие страшные глаза!..

Глава пятая

Принц Корин

— Дорогая сестра и королева, — сказал король

Эдмунд, — пришло тебе время доказать свою отвагу. Не стану скрывать, нам грозит большая опасность.

— Какая? — спросила королева.

— Боюсь, — отвечал король, — что мы не уедем отсюда. Пока царевич ещё надеялся, мы были почётными гостями. С той минуты как ты ему откажешь, клянусь Гривой Аслана, мы — пленники.

Один из гномов тихо свистнул.

— Я пр-р-редупреждал ваши величества, — сказал ворон. — Войти легко, выйти трудно, как сказал омар, когда его варили.

— Я видел царевича утром, — продолжал король. — Как ни жаль, он не привык, чтобы ему перечили. Он требовал от меня — то есть от тебя — окончательного ответа. Я шутил, как мог, над женскими капризами, но всё же дал понять, что надежды у него мало. Он страшно рассердился. Он даже угрожал мне, конечно, в их слащавой манере.

— Да, — сказал фавн, — когда я ужинал с великим визирем, было то же самое. Он меня спросил, нравится ли мне Ташбаан. Конечно, я не мог сказать, что мне тут каждый камень противен, а лгать не умею — и я ответил, что летом, в жа-

ру, сердце мое томится по прохладным лесам и мокрым травам. Он неприятно улыбнулся и сказал: «Никто тебя не держит, козлиное копытце, езжай, пляши в своих лесах, а нам оставь жену для царевича».

— Ты думаешь, он сделает меня своей женой насильно? — воскликнула Сьюзен.

— Женой… — отвечал король. — Спасибо, если не рабой.

— Как же он может? Разве царь Тисрок это потерпит?

— Не сошёл же он с ума! — сказал Перидан. — Он знает, что в Нарнии есть добрые копья.

— Мне кажется, — сказал Эдмунд, — что Тисрок очень мало боится нас. Страна у нас небольшая. Владетелям империй не нравятся маленькие страны у их границ. Они хотят победить, поглотить их. Не затем ли он послал к нам царевича, чтобы затеять ссору? Он рад бы прибрать к рукам и Нарнию, и Орландию.

— Пускай попробует! — вскричал гном. — Между ним и нами лежит пустыня! Что скажешь, ворон?

— Я знаю её, — сказал ворон. — Я облетел её вдоль и поперек, когда был молод. (Не сомневайтесь, что Шаста навострил уши.) Если Тисрок

пойдёт через большой оазис, он Орландии не достигнет — людям его и коням не хватит там воды. Но есть и другая дорога.

Шаста стал слушать ещё внимательнее.

— Ведёт она от древних усыпальниц, — продолжал ворон, — на северо-запад, и тому, кто по ней движется, всё время видна двойная вершина горы. Довольно скоро, через сутки, начнётся каменистое ущелье, очень узкое, почти незаметное со стороны. Кажется, в нём нет ни травы, ни воды, ничего. Но если спуститься туда, увидишь, что по нему течёт речка. Держась её, можно добраться до самой Орландии.

— Знают ли тархистанцы об этой дороге? — спросила королева.

— Друзья мои, — воскликнул король, — о чём мы говорим! Дело не в том, кто победит, если Тархистан нападёт на нас. Нам надо спасти честь королевы и собственную жизнь. Конечно, брат мой Питер, Верховный Король, одолеет Тисрока, но мы уже будем давно мертвецами, а сестра моя королева — женой или рабой царевича.

— У нас есть оружие, — сказал гном. — Мы можем защитить этот замок.

— Я не сомневаюсь, — сказал король, — что каждый из нас дорого продаст свою жизнь. Коро-

леву они получат только через наши трупы. Но мы тут как мыши в мышеловке.

— Недар-р-ом гово-р-рится, — прокаркал ворон: — «В доме остаться — с жизнью расстаться». И еще: «В доме запрут — дом подожгут».

— Ах, всё это из-за меня! — заплакала Сьюзен. — Не надо мне было покидать Кэр-Параваль! Как было хорошо! Кроты же почти кончили перекапывать сад… а я… а я… — И она закрыла лицо руками.

— Ну что ты, Сью… — начал король Эдмунд, но вдруг увидел, что фавн, сжав руками голову, раскачивается, как от боли.

— Минутку, минутку… — говорил он. — Я думаю, я сейчас придумаю… Подождите, сейчас, сейчас!..

Все подождали, и наконец фавн с облегчением вздохнул, а потом вытер лоб.

— Трудно одно, — сказал он, — добраться до корабля так, чтобы нас не заметили и не схватили.

— Да, — сказал гном. — «Рад бы нищий скакать, да коня не сыскать».

— Постой, постой, — сказал фавн. — Нужно вот что: пойти под каким-нибудь предлогом на корабль, оставить там матросов…

— Наверное, ты прав… — сказал король Эд-

мунд.

— Ваше величество, — продолжал фавн, — не пригласите ли вы царевича на пир? Устроим мы этот пир на вашем корабле завтра вечером. Ради пользы дела намекните, что её величество может дать там ответ, не нанося урона своей чести. Царевич подумает, что она готова уступить.

— Пр-рекрасный совет! — сказал ворон.

— Все будут думать, — взволнованно говорил фавн, — что мы готовимся к пиру. Кого-нибудь пошлём на базар купить сластей, вина и фруктов… Пригласим шутов и колдунов, и плясуний, и флейтистов…

— Так, так, — сказал король, потирая руки.

— А когда стемнеет, — сказал фавн, — мы уже будем на борту…

— Поставим паруса, возьмём вёсла! — воскликнул король.

— И выйдем в море! — закончил фавн и пустился в пляс.

— На Север! — вскричал гном.

— В Нарнию! — крикнули все. — Ура!

— Дорогой мой Тумнус, ты меня спас! — сказала королева и, схватив его за руки, закружилась по комнате. — Ты спас нас всех!

— Царевич пустится в погоню, — сказал вель-

можа, чьего имени Шаста не знал.

— Ничего, — сказал король. — У него нет хороших кораблей и быстрых галер. Царь Тисрок держит их для себя. Пускай гонятся! Мы потопим их, если они вообще нас догонят.

— Совещайся мы неделю, — сказал ворон, — лучше не придумаешь. Однако недаром говорится: «Сперва — гнездо, потом — яйцо». Прежде чем приняться за дело, подкрепимся.

Тогда все встали, открыли двери и пропустили в них первыми королеву и короля. Шаста замешкался, но фавн сказал ему:

— Отдохните, ваше высочество, я сейчас при-

несу вам поесть. Лежите, пока мы не станем перебираться на корабль.

Шаста опустил голову на мягкие подушки и остался в комнате один.

«Какой ужас!..» — думал он. Ему и в голову не приходило сказать всю правду и попросить о помощи. Вырос он среди жестоких, чёрствых людей и привык ничего не говорить взрослым, чтобы хуже не было. Может быть, этот король не обидит говорящих коней, они из Нарнии, но Аравита — здешняя, он продаст её в рабство или вернёт отцу. «А я... — думал он, — а я не посмею сказать им, что я не принц Корин. Я слышал их тайны. Если они узнают, что я не из них, они меня живым не отпустят. Они меня убьют. А если Корин придёт? Тогда уж наверное...»

Понимаете, Шаста не знал, как ведут себя свободные, благородные люди.

«Что же мне делать, что делать? А, вон идёт этот козлик!..»

Фавн, слегка приплясывая, внёс в комнату огромный поднос и поставил его на столик у дивана.

— Ну, милый принц, — сказал он и сел на ковер, скрестив ноги, — ешь, это последний твой обед в Ташбаане.

Обед был хорош. Не знаю, понравился бы он вам, но Шасте он понравился. Он жадно съел омаров, и овощи, и бекаса, фаршированного трюфелями и миндалём, и сложное блюдо из риса, изюма, орехов и цыплячьих печенок, и дыню, и ягоды, и какие-то дивные ледяные сласти вроде нашего мороженого. Выпил он и вина, которое зовётся белым, хотя оно светло-жёлтое.

Фавн тем временем развлекал его беседой. Думая, что принц нездоров, он пытался обрадовать его и говорил о том, как они вернутся домой, и о добром короле Луме, и о небольшом замке на склоне горы.

— Не забывай, — сказал он, — что ко дню рождения тебе обещали кольчугу и коня, а года через два сам король Питер посвятит тебя в рыцари.

Пока что мы часто будем ездить к вам, вы — к нам, через горы. Ты помнишь, конечно, что обещал приехать ко мне на Летний Праздник, там будут костры и ночные пляски с дриадами, а может — кто знает? — нас посетит сам Аслан.

Когда Шаста съел все подчистую, фавн сказал:

— А теперь поспи. Не бойся, я за тобой зайду, когда будем перебираться на корабль. А потом — домой, на Север!

Шасте так понравился и обед, и рассказы фавна, что он уже не мог думать о неприятном. Он надеялся, что принц Корин не придёт, опоздает, и его самого увезут на Север. Боюсь, он не подумал, что станется с принцем, если тот будет один в Ташбаане. Об Аравите и о лошадях он чуть-чуть беспокоился, но сказал себе: «Что поделаешь? И вообще, Аравите самой так лучше, очень я ей нужен», — ощущая при этом, что куда приятней плыть по морю, чем одолевать пустыню.

Подумав так, он заснул, как заснули бы и вы, если бы встали затемно, долго шли, а потом, лежа на мягком диване, столько съели.

Разбудил его громкий звон. Испуганно привстав, он увидел, что и тени, и свет сместились, а на полу лежат осколки драгоценной вазы. Но главное было не это: в подоконник вцепились

чьи-то руки. Они сжимались всё крепче (костяшки пальцев становились все белее), потом появились голова и плечи. Через секунду какой-то мальчик перемахнул через подоконник и сел, свесив вниз одну ногу.

Шаста никогда не гляделся в зеркало, а если бы и гляделся, не понял бы, что незнакомец очень похож на него, ибо тот был сейчас ни на кого не похож. Под глазом у него красовался огромный синяк, под носом запеклась кровь, одного зуба не было, одежда, некогда очень красивая, висела лохмотьями.

— Ты кто такой? — шёпотом спросил мальчик.

— А ты принц Корин? — в свою очередь спросил Шаста.

— Конечно, — ответил мальчик. — А ты кто?

— Никто, наверное, — сказал Шаста. — Король Эдмунд увидел меня на улице и подумал, что это ты. Можно отсюда выбраться?

— Можно, если ты хорошо лазаешь, — сказал Корин. — Куда ты спешишь? Мы так похожи, давай еще кого-нибудь разыграем!

— Нет, нет, — заторопился Шаста. — Мне нельзя оставаться. Вдруг фавн придет, увидит нас вместе? Мне пришлось притвориться, что я — это ты. Вы сегодня отплываете. А где ты был всё время?

— Один мальчишка сказал гадость про королеву Сьюзен, — ответил принц. — Я его побил. Он заорал и побежал за братом. Тогда я побил брата. Они погнались за мной, и меня поймали такие люди, с копьями, называются стража. Я подрался и с ними. Тут стало темнеть. Они меня куда-то увели. Под дороге я предложил им выпить вина. Они напились и заснули, а я тихо выбрался и пошёл дальше и встретил первого мальчишку. Ну, мы подрались. Я его опять побил. Потом я влез по водосточной трубе на крышу и ждал, пока рассветёт. А потом искал дорогу. Попить нету?

— Нет, я все выпил, — сказал Шаста. — Покажи мне, как вылезти. Надо поскорей уходить. А сам ложись на диван. Ах ты, они не поверят, что это я… то есть ты… у тебя такой синяк… Придется тебе сказать правду.

— Как же иначе? — сердито спросил принц. — А всё-таки, кто ты такой?

— Некогда объяснять, — быстро зашептал Шаста. — Я не здешний, с Севера. Но вырос я здесь и теперь бегу домой, через пустыню, с говорящим конем. Ну, как мне лезть?

— Вот так, — показал Корин. — Смотри, тут плоская крыша. Иди очень тихо, на цыпочках, а то услышит кто-нибудь! Сверни налево, потом

залезь, если умеешь лазать, на стену, пройди по ней до угла и спрыгни на кучу мусора.

— Спасибо, — сказал Шаста с подоконника. Мальчики посмотрели друг на друга, и обоим показалось, что теперь они друзья.

— До свидания, — сказал Корин. — Доброго тебе пути.

— До свидания, — сказал Шаста. — И храбрый же ты!

— Куда мне до тебя! — сказал принц. — Ну, прыгай! Да, доберешься до Орландии, скажи моему отцу, королю Луму, что ты мой друг! Скорее, кто-то идёт!

Глава шестая
Шаста среди усыпальниц

Шаста неслышно пробежал по крыше, такой горячей, что он чуть не обжёг босые ноги, взлетел вверх по стене, добрался до угла и мягко спрыгнул на кучу мусора в узкой, грязной улочке. Прежде чем спрыгнуть, он огляделся — по-видимому, он был на самом верху горы, на которой стоит Ташбаан. Вокруг всё уходило вниз, плоские крыши спускались уступами до городской стены и сторожевых башен. За ними, с Севера, текла река, за ней цвели сады, а уж за ними лежало странное,

голое, желтоватое пространство, уходившее за горизонт, словно неподвижное море. Где-то в небе, совсем далеко, синели какие-то глыбы с белым верхом. «Пустыня и горы», — подумал он.

Спрыгнув со стены, он поспешил вниз по узкой улочке и вышел на широкую. Там был народ, но никто не обращал внимания на босоногого оборвыша. Однако он всё-таки боялся, пока перед ним из-за какого-то угла не возникли городские ворота. Вышел он в густой толпе. По мосту она двигалась медленно, как очередь. Здесь, над водой, было приятно вздохнуть после жары и запахов Ташбаана.

За мостом толпа стала таять, народ расходился — кто налево, кто направо, Шаста же пошёл прямо вперёд, между какими-то садами. Дойдя до того места, где трава сменялась песком, он уже был совсем один и в удивлении остановился, словно увидел не край пустыни, а край света. Трава кончалась сразу; дальше, прямо в бесконечность, уходило что-то вроде морского берега, только пожёстче, ибо здесь песок не смачивала вода. Впереди, как будто ещё дальше, маячили горы. Минут через пять он увидел слева высокие камни вроде ульев, но поуже. Шаста знал от коня, что это и есть усыпальницы древних царей. За

ними садилось солнце, и они мрачно темнели на сверкающем фоне.

Свернув на запад, Шаста направился к ним. Солнце слепило его, но всё же он ясно видел, что ни лошадей, ни девочки на кладбище нет. «Наверное, они за последней усыпальницей, — подумал он. — Чтобы отсюда не заметили».

Усыпальниц было штук двенадцать, стояли они как попало. В каждой чернел низенький вход. Шаста обошёл кругом каждую из них и никого не нашёл. Когда он опустился на песок, солнце уже село.

В ту же минуту раздался очень страшный звук. Шаста чуть не закричал, но вспомнил: это трубы оповещают Ташбаан, что ворота закрылись. «Не трусь, — подумал он. — Ты слышал этот звук утром», — но прекрасно понимал, что одно дело — слышать такие звуки при свете, среди друзей, и совсем другое — одному и в темноте. «Теперь, — думал он, — они не придут до утра. Они там заперты. Нет, Аравита увела их раньше, без меня. С неё станется! Что это я? Игого никогда на это не согласится!»

К Аравите он был несправедлив. Она бывала и чёрствой, и гордой, но верности не изменяла и ни за что не бросила бы спутника, нравится он

ей или нет.

Как бы то ни было, ночевать ему предстояло тут, а место это с каждой минутой привлекало его всё меньше. Большие молчаливые глыбы всё-таки пугали его. Шаста изо всех сил старался не думать о привидениях, и уже немного успокоился, когда что-то коснулось его ноги.

— Помоги-и-те! — закричал он неведомо кому, окаменев от страха. Бежать он не смел; все-таки совсем уж плохо, когда бежишь среди могил, не смея взглянуть, кто за тобой гонится. Потом, собрав всё своё мужество, он сделал самое разумное, что мог, — обернулся и увидел кота.

Кот, очень тёмный в темноте, был велик и важен — гораздо важнее и больше тех его собратьев, которых Шасте доводилось встречать. Глаза его таинственно сверкали, и казалось, что он много знает — но не скажет.

— Кис-кис-кис, — неуверенно сказал Шаста. — Ты говорить не умеешь?

Кот сурово поглядел на него и медленно пошёл куда-то, а Шаста, конечно, пошёл за ним. Через некоторое время они миновали усыпальницы. Тогда кот уселся на песок, обернув хвост вокруг передних лап. Глядел он на Север — туда, где лежала Нарния, — и был так неподвижен, что

Шаста спокойно лёг спиной к нему, лицом к могилам, словно чувствовал, что кот охраняет его от врагов. Когда тебе страшно, самое лучшее — повернуться лицом к опасности и чувствовать что-то тёплое и надёжное за спиной. Песок показался бы вам не очень удобным, но Шаста и прежде спал на земле и скоро заснул, думая во сне, где же сейчас Игого, Уинни и Аравита.

Разбудил его странный и страшный звук. «Наверное, мне всё приснилось», — подумал он. И тут же ощутил, что кота за спиной нет, и очень огорчился, но лежал тихо, не решаясь даже открыть глаза, как лежим иногда мы с вами, закрыв простыней голову. Звук раздался снова — пронзительный вой или вопль; тут глаза у Шасты открылись сами, и он присел на песке.

Луна ярко светила; усыпальницы стали как будто больше, но казались не чёрными, а серыми. Они очень уж походили на чёрных людей, закрывших голову и лицо серым покрывалом. Что и говорить, это не радует. Однако звук шёл не от них, а сзади, из пустыни. Сам того не желая, Шаста обернулся и посмотрел туда.

«Хоть бы не львы!..» — подумал он. Звук и впрямь не походил на рычание льва, но Шаста этого не знал. Выли шакалы (это тоже не слиш-

ком приятно).

«Их много, — подумал Шаста, сам не зная о ком. — Они всё ближе…» Мне кажется, будь он поумнее, он вернулся бы к реке, там были дома, но он боялся пройти мимо усыпальниц. Кто его знает, что вылезет из чёрных отверстий? Глупо это или не глупо, Шаста предпочёл диких зверей. Но крики приближались — и он изменил мнение…

Он уже собирался бежать, когда увидел на фоне луны огромного зверя.

Зверь шёл медленно и степенно, как бы не замечая его. Потом он остановился, издал низкий, оглушительный рёв, эхом отдавшийся в камне усыпальниц, и прежние вопли стихли. Зашуршал песок, словно какие-то существа бросились врассыпную. Тогда огромный зверь обернулся к Шасте.

«Это лев, — подумал тот. — Ну всё. Очень будет больно или нет?.. Ох, поскорей бы!.. А что бывает потом, когда умрёшь? Ой-ой-ой-ой!!!» — И он закрыл глаза, сжал зубы.

Ничего не случилось, и когда он решился их открыть, что-то тёплое лежало у его ног. «Да он не такой большой! — в удивлении подумал Шаста. — Вполовину меньше, чем мне показалось. Нет, вчетверо… Ой, это кот! Значит, лев мне при-

снился!»

Действительно, у него в ногах лежал большой кот, глядя на него зелёными немигающими глазами. Таких огромных котов он не видал.

— Как хорошо, что это ты! — сказал ему Шаста. — Мне снился страшный сон. — И, прижавшись к коту, он почувствовал, как и прежде, его животворящее тепло.

— Никогда не буду обижать кошек, — подумал или даже сказал он, — знаешь, я один раз бросил камнем в старую голодную кошку… Эй, что это ты, — вскрикнул он, потому что кот именно в этот миг его царапнул. — Ну, ну! Будто понимает… — И он уснул.

Наутро, когда он проснулся, кота не было, солнце ярко светило, песок уже нагрелся. Шаста приподнялся и протёр глаза. Ему очень хотелось пить. Пустыня сверкала белизной. Из города доносился смутный шум, но здесь было очень тихо. Когда он посмотрел немного влево, к западу, чтобы солнце не слепило, он увидел горы вдали, такие чёткие, что казалось, будто они совсем близко. Одна из них была как бы двойная, и он подумал: «Вот туда и надо идти» — и провёл ногой по песку ровную полосу, чтобы не терять времени, когда все придут. Потом он решил чего-

нибудь поесть и направился к реке.

Усыпальницы были совсем не страшные, он даже удивился, что они его так пугали. Народ здесь был, ворота открылись давно, толпа уже вошла в город, и оказалось нетрудно, как сказал бы Игого, что-нибудь позаимствовать. Он перелез через стену и взял в саду три апельсина, две-три смоквы и гранат. Потом он подошёл к реке у самого моста и напился. Вода ему так понравилась, что он ещё и выкупался — ведь он всегда жил на берегу и научился плавать тогда же, когда научился ходить. Потом он лёг на траву и стал смотреть на Ташбаан, гордый, большой и прекрасный. Вспомнил он и о том, как опасно там было, и вдруг заподозрил, что, пока он купался, Аравита и лошади, наверное, добрались до кладбища («И не нашли меня, и ушли», — подумал он). Быстро одевшись, он побежал обратно, и так запыхался и вспотел, словно и не купался. Но среди усыпальниц никого не было.

Солнце медленно ползло вверх по небу, потом — медленно опускалось, никто не шёл, не случалось ничего, и ему стало совсем уж не по себе. Теперь он понял, что они решили здесь встретиться и ждать друг друга, но не сказали, как долго. Не до старости же! Скоро стемнеет, опять

начнётся ночь… Десятки планов сменялись в его мозгу, пока он не выбрал самый худший. Он решил потерпеть до темноты, вернуться к реке, украсть столько дынь, сколько сможет, и пойти к той горе один.

Если бы он прочитал столько, сколько ты, о путешествиях через пустыню, он бы понял, что это очень глупо. Но он ещё не читал книг.

Прежде чем солнце село, что-то всё-таки случилось. Когда тени усыпальниц стали совсем длинными, а Шаста давно съел всё, что припас на день, сердце у него подпрыгнуло: он увидел двух лошадей. То были Уинни и Игого, прекрасные и гордые, как прежде, под дорогими сёдлами, а вёл их человек в кольчуге, похожий на слугу из знатного дома. «Аравиту поймали, — в ужасе решил Шаста. — Она всё выдала, его послали за мной, они хотят, чтобы я кинулся к Игого и заговорил! А если не кинусь — тогда я точно остался один… Что же мне теперь делать?» И он юркнул за усыпальницу и стал всё время выглядывать оттуда, гадая, что опасней, что безопасней.

Глава седьмая
Аравита в Ташбаане

А на самом деле случилось вот что. Когда Аравита увидела, что Шасту куда-то тащат, и осталась

одна с лошадьми, которые (очень разумно) не говорили ни слова, она ни на миг не растерялась. Сердце у неё сильно билось, но она ничем это не выказала. Как только белокожие господа прошли мимо, она попыталась двинуться дальше. Однако снова раздался крик: «Дорогу! Дорогу тархине!» — и появились четыре вооружённых раба, а за ними четыре носильщика, на плечах у которых едва покачивался роскошный паланкин. За ним, в облаке ароматов, следовали рабыни, гонцы, пажи и ещё какие-то слуги. И тут Аравита совершила первую свою ошибку.

Она прекрасно знала ту, что лениво покоилась на носилках. Это была Лазорилина, недавно вышедшая замуж за одного из самых богатых и могущественных тарханов. Девочки часто встречались в гостях, а это почти то же самое, что учиться в одной школе. Ну, как тут было не посмотреть, какой стала старая подруга, когда она вышла замуж и обрела большую власть? Аравита посмотрела, и подруга посмотрела на неё.

— Аравита! — закричала она. — Что ты здесь делаешь? А твой отец…

Отпустив лошадей, беглянка ловко вскочила в паланкин и быстро прошептала:

— Тише! Спрячь меня. Скажи своим людям…

— Нет, ты мне скажи… — громко перебила её Лазорилина, очень любившая привлекать внимание.

— Скорее! — прошипела Аравита. — Это очень важно!.. Прикажи своим людям, чтобы вели за нами вон тех лошадей, и задёрни полог. Ах, поскорее!

— Хорошо, хорошо, — томно отвечала тархина. — Эй, вы, возьмите лошадей! А зачем задёргивать занавески в такую жару, не понимаю?..

Но Аравита уже задёрнула их сама, и обе тархины оказались как бы в душной, сладко благоухающей палатке.

— Я прячусь, — сказала Аравита. — Отец не знает, что я здесь. Я сбежала.

— Какой ужас… — протянула Лазорилина. — Расскажи мне всё поскорей… Ах, ты сидишь на моем покрывале! Слезь, пожалуйста. Вот так. Оно тебе нравится? Представляешь, я его…

— Потом, потом, — перебила её Аравита. — Где ты спрячешь меня?

— В моем дворце, конечно, — отвечала её подруга. — Муж уехал, никто тебя не увидит. Ах, как жаль, кстати, что никто не видит сейчас моего нового покрывала! Нравится оно тебе?

— И вот ещё что, — продолжала Аравита. — С

этими лошадьми надо обращаться особенно. Они говорящие. Из Нарнии, понимаешь?

— Не может быть… — протянула Лазорилина. — Как интересно… Кстати, ты видела эту дикарку, королеву? Не понимаю, что в ней находят!.. Говорят, Рабадаш от неё без ума. Вот мужчины у них — красавцы. Какие теперь балы, какие пиры, охоты!.. Позавчера пировали у реки, и на мне было…

— Да, — сказала Аравита, — твои люди не пустят слух, что у тебя гостит какая-то нищая в отрепьях? Дойдёт до отца…

— Ах, не беспокойся ты по пустякам! — отвечала Лазорилина. — Мы тебя оденем. Ну вот!

Носильщики остановились и опустили паланкин на землю. Раздвинув занавески, Аравита увидела, что она — в красивом саду, примерно таком же, как тот, в который привели и Шасту некоторое время назад. Лазорилина пошла было в дом, но беглянка шёпотом напомнила ей, что надо предупредить слуг.

— Ах, прости, совсем забыла! — сказала хозяйка. — Эй, вы! Сегодня никто никуда не выйдет. Узнаю, что пошли слухи, сожгу живьём, засеку до смерти, а потом посажу на хлеб и воду.

Хотя Лазорилина сказала, что очень хочет услышать историю Аравиты, она всё время говорила сама. Она настояла на том, чтобы Аравита выкупалась (в Тархистане купаются долго и очень роскошно), потом одела её в лучшие одежды. Выбирала она их так долго, что Аравита чуть с ума не сошла. Теперь она вспомнила, что Лазорилина всегда любила наряды и сплетни; сама она предпочитала собак, лошадей и охоту. Нетрудно догадаться, что каждой из них другая казалась

глупой. Наконец они поели (главным образом — взбитых сливок, и желе, и фруктов, и мороженого), расположились в красивой комнате (которая понравилась бы гостье ещё больше, если бы ручная обезьянка не лазила всё время по колоннам), и Лазорилина спросила, почему же её подруга убежала из дому.

Когда Аравита кончила свой рассказ, она вскричала:

— Ах, непременно выходи за Ахошту-тархана! У нас тут все от него без ума. Мой муж говорит, что он будет великим человеком. Теперь, когда старый Ашарта умер, он стал великим визирем, ты знаешь?

— Не знаю и знать не хочу, — отвечала Аравита.

— Нет, ты подумай! Три дворца, один — тот, красивый, у озера Илкина, горы жемчуга… Купается в ослином молоке… Да, и ты меня будешь часто видеть!

— Не нужны мне его дворцы и жемчуг, — сказала Аравита.

— Ты всегда была чудачкой, — сухо сказала Лазорилина. — Не пойму, что тебе нужно.

Однако помочь она согласилась, ибо это само по себе занятно. Молодые тархины решили, что

слуга из богатого дома с двумя породистыми лошадьми не вызовет никаких подозрений. Выйти из города Аравите было много труднее: никто и никогда не выносил за ворота закрытых паланкинов.

Наконец Лазорилина захлопала в ладоши и воскликнула:

— Ах, я придумала! Мы пройдём к реке садом Тисрока (да живёт он вечно). Там есть дверца. Только вот придворные… Знаешь, тебе повезло, что ты пришла ко мне! Мы ведь и сами почти придворные. Тисрок такой добрый (да живёт он вечно!). Нас приглашают во дворец каждый день, мы буквально живём там. Я просто *обожаю* царевича Рабадаша. Значит, я проведу тебя в темноте. Если нас поймают…

— Тогда всё погибло, — сказала Аравита.

— Милочка, не перебивай, говорю тебе, меня все знают. При дворе привыкли к моим выходкам. Вот послушай, вчера…

— Я хочу сказать, всё погибло *для меня*, — пояснила Аравита.

— А да, конечно… Но что ты ещё можешь предложить?

— Ничего, — ответила Аравита. — Придётся рискнуть. Когда же мы пойдём?

— Только не сегодня! — воскликнула Лазорилина. — Сегодня пир — да, когда же я сделаю причёску? Сколько будет народу! Пойдём завтра вечером.

Аравита огорчилась, но решила потерпеть. Лазорилина ушла, и это было хорошо, очень уж надоели её рассказы о нарядах, свадьбах, пирах и нескромных происшествиях.

Следующий день тянулся долго. Лазорилина отговаривала гостью, непрестанно повторяя, что в Нарнии снег, и лед, и демоны, и колдуны. «Подумай, — прибавила она, — какой-то деревенский мальчик! Это неприлично…» Аравита сама, бывало, так думала, но теперь она очень устала от глупости, и ей пришло в голову, что путешествовать с Шастой куда веселее, чем жить светской жизнью в столице. Поэтому она сказала:

— Там, в Нарнии, я буду просто девочкой. И потом, я обещала.

Лазорилина чуть не заплакала.

— Что же это такое? — причитала она. — Будь ты поумней, ты стала бы женой *визиря*!

Аравита же пошла поговорить с лошадьми.

— Когда начнутся сумерки, — сказала она, — идите, пожалуйста, к могилам. Да, без поклажи. Вас снова оседлают, только у тебя, Уинни, будут

сумы с провизией, а у тебя, Игого, — бурдюки с водой. Слуге приказано напоить вас как следует за мостом, у реки.

— А потом — на Север, в Нарнию! — тихо ликовал Игого. — Послушай, вдруг Шаста не добрался до кладбища?

— Тогда подождите его, как же иначе, — сказала Аравита. — Надеюсь, вам тут было хорошо?

— Куда уж лучше! — отвечал конь. — Но если муж твоей болтуньи думает, что конюх покупает самый лучший овёс, то ошибается.

Через два часа, поужинав в красивой комнате, Аравита и Лазорилина вышли из дому. Аравита закрыла лицо чадрой и оделась так, чтобы ее приняли за рабыню из богатого дома. Они решили: если кто-нибудь спросит, Лазорилина скажет, что она собралась подарить её одной из царевен.

Шли они пешком, и вскоре оказались у ворот дворца. Конечно, тут была стража, но начальник знал Лазорилину и отдал ей честь. Девочки прошли Черный Мраморный Зал, там было много народу, но это и лучше, никто не обратил на них внимания. Потом был Зал с Колоннами, потом — Зал со Статуями, потом — та колоннада, из которой можно попасть в Тронный Зал (сейчас медные двери были закрыты).

Наконец девочки вышли в сад, уступами спускавшийся к реке. Подальше в саду стоял Старый Дворец. Когда они до него добрались, уже стемнело, а в лабиринте коридоров на стенах горели редкие факелы.

— Иди, иди, — шептала Аравита, и сердце у неё билось так, словно отец вот-вот появится из-за угла.

— Куда же свернуть? — размышляла её подруга. — Всё-таки налево… Как смешно!

И тут оказалось, что Лазорилина толком не помнит, куда свернуть, направо или налево.

Они свернули налево и очутились в длинном коридоре. Не успела Лазорилина сказать: «Ну вот! Я помню эти ступеньки», — как в дальнем конце показались тени двух людей, пятящихся задом. Так ходят только перед царем. Лазорилина вцепилась Аравите в руку; Аравита удивилась, чего она боится, если Тисрок такой друг её мужа. Тем временем Лазорилина втащила её в какую-то комнату, бесшумно закрыла дверь, и они очутились в полной темноте.

— Охрани нас, Таш! — шептала Лазорилина. — Только бы они не вошли!.. Ползи под диван.

Они поползли, и Лазорилина заняла там всё место. Если бы в комнату внесли свечи, все увидели

бы, что из-под дивана торчит Аравитина голова. Правда, Аравита была в чадре, больше глаз да лба не увидишь, но всё-таки… Словом, она старалась отвоевать побольше места, но Лазорилина не сдалась и ущипнула её за ногу.

На том борьба и кончилась. Обе тяжело дышали, но больше звуков не было.

— Тут нас не схватят? — спросила Аравита как можно тише.

— На-наверно, — пролепетала Лазорилина. — Ах, как я измучилась!.. — И тут раздался страшный звук — открылась дверь. Внесли свечи. Аравита втянула голову сколько могла, но видела всё.

Первыми вошли рабы со свечами в руках (Аравита догадалась, что они глухонемые) и встали по краям дивана. Это было хорошо: они прикрыли беглянку, а она всё видела. Потом появился невероятно толстый человек в странной островерхой шапочке. Самый маленький из драгоценных камней, украшавших его одежды, стоил больше, чем всё, что было у людей из Нарнии; но Аравита подумала, что нарнийская мода — во всяком случае, мужская — как-то приятнее. За ним вошёл высокий юноша в тюрбане с длинным пером и с ятаганом в ножнах слоновой кости. Он очень вол-

новался, зубы у него злобно сверкали. Последним появился горбун, в котором она с ужасом узнала своего жениха.

Дверь закрылась. Тисрок сел на диван, с облегчением вздыхая. Царевич встал перед ним, а великий визирь опустился на четвереньки и припал лицом к ковру.

Глава восьмая
Аравита во дворце

— Отец-мой-и-услада-моих-очей! — начал молодой человек очень быстро и очень злобно. — Живите вечно, но меня вы погубили. Если б вы дали мне ещё на рассвете самый лучший корабль, я бы нагнал этих варваров. Теперь мы потеряли целый день, а эта ведьма, эта лгунья, эта… эта… — И он прибавил несколько слов, которые я не собираюсь повторять. Молодой человек

был царевич Рабадаш, а ведьма и лгунья — королева Сьюзен.

— Успокойся, о сын мой! — сказал Тисрок. — Расставание с гостем ранит сердце, но разум исцеляет его.

— Она мне *нужна*! — закричал царевич. — Я умру без этой гнусной, гордой, неверной собаки! Я не сплю, и не ем, и ничего не вижу из-за её красоты.

— Прекрасно сказал поэт, — вставил визирь, приподняв несколько запылённое лицо, — «Водой здравомыслия гасится пламень любви».

Принц дико взревел.

— Пёс! — крикнул он. — Ещё стихи читает! — И умело пнул визиря ногой в приподнятый кверху зад.

Боюсь, что Аравита не испытала при этом жалости.

— Сын мой, — спокойно и отрешённо промолвил Тисрок, — удерживай себя, когда тебе хочется пнуть достопочтенного и просвещённого визиря. Изумруд ценен и в мусорной куче, а старость и скромность — в подлейшем из наших подданных. Поведай лучше мне, что ты собираешься делать.

— Я собираюсь, отец мой, — сказал Рабадаш, — позвать твоё непобедимое войско, захватить

трижды проклятую Нарнию, присоединить её к твоей великой державе и перебить всех поголовно, кроме королевы Сьюзен. Она будет моей женой, хотя её надо проучить.

— Пойми, о сын мой, — отвечал Тисрок, — никакие твои речи не побудят меня воевать с Нарнией.

— Если бы ты не был мне отцом, о услада моих

очей, — сказал царевич, скрипнув зубами, — я бы назвал тебя трусом.

— Если бы ты не был мне сыном, о пылкий Рабадаш, — отвечал Тисрок, — жизнь твоя была бы короткой, а смерть — долгой. (Приятный, спокойный его голос совсем перепугал Аравиту.)

— Почему же, отец мой, — спросил Рабадаш потише, — почему ты не накажешь Нарнию? Мы вешаем нерадивого раба, бросаем псам старую лошадь. Нарния меньше самой малой из наших округ. Тысяча копий справятся с ней за месяц.

— Несомненно, — согласился Тисрок, — эти варварские страны, которые называют себя свободными, а на самом деле просто не знают порядка, гнусны и богам, и достойным людям.

— Чего ж мы их терпим? — вскричал Рабадаш.

— Знай, о достойный царевич, — подхватил визирь, повинуясь знаку царя, — что в тот самый год, когда твой великий отец (да живёт он вечно) начал свое благословенное царствование, гнусной Нарнией правила могущественная Колдунья.

— Я слышал это сотни раз, о многоречивый визирь, — отвечал царевич. — Слышал я и то, что Колдунья повержена. Снега и льды растаяли, и Нарния прекрасна, как сад.

— О многознающий царевич! — воскликнул визирь. — Случилось всё потому, что те, кто правят Нарнией сейчас, — злые колдуны.

— А я думаю, — сказал Рабадаш, — что тут виною звёзды и прочие естественные причины.

— Учёным людям стоит об этом поспорить, — промолвил Тисрок. — Никогда не поверю, что старую чародейку можно было убить без могучих чар. Чего и ждать от страны, где обитают демоны в обличье зверей, говорящих, как люди, и страшные чудища с копытами, но с человеческой головой. Мне доносят, что тамошнему королю (да уничтожат его боги) помогает мерзейший и сильнейший демон, принимающий обличье льва. Поэтому я на эту страну нападать не стану.

— Сколь благословенны жители нашей страны, — вставил визирь, — ибо всемогущие боги одарили её правителя великой мудростью! Премудрый Тисрок (да живёт он вечно) изрек: как нельзя есть из грязного блюда, так нельзя трогать Нарнию. Недаром поэт сказал… — Но царевич приподнял ногу, и он умолк.

— Всё это весьма печально, — сказал Тисрок. — Солнце меня не радует, сон не освежает при одной только мысли, что Нарния свободна.

— Отец, — воскликнул Рабадаш, — сию же

минуту я соберу двести воинов! Никто и не услышит, что ты об этом знал. Назавтра мы будем у королевского замка в Орландии. Они с нами в мире и опомниться не успеют, как я возьму замок. Оттуда мы поскачем в Кэр-Параваль. Верховный Король сейчас на севере. Когда я у них был, он собирался попугать великанов. Ворота его замка, наверное, открыты. Я дождусь их корабля, схвачу королеву Сьюзен, а люди мои расправятся со всеми остальными.

— Не боишься ли ты, сын мой, — спросил Тисрок, — что король Эдмунд убьёт тебя?

— Их мало, его свяжут и обезоружат десять моих людей. Я удержусь, не убью его, и тебе не придется воевать с Верховным Королем.

— А что, — спросил Тисрок, — если корабль тебя опередит?

— Отец мой, — отвечал царевич, — навряд ли, при таком ветре…

— И наконец, мой хитроумный сын, — сказал Тисрок, — объясни мне, чем поможет всё это уничтожить Нарнию?

— Разве ты не понял, отец мой, — объяснил царевич, — что мои люди захватят по пути Орландию? Значит, мы останемся у самой нарнийской границы и будем понемногу пополнять

гарнизон.

— Что ж, это разумно и мудро, — одобрил Тисрок. — А что, если ты не преуспеешь и Верховный Король потребует от меня ответа?

— Ты скажешь, — отвечал царевич, — что ничего не знал и я действовал сам, гонимый любовью и молодостью.

— А если он потребует, чтобы я вернул эту дикарку?

— Поверь, этого не будет. Король человек разумный и на многое закроет глаза ради того, чтобы увидеть своих племянников на тархистанском престоле.

— Как он их увидит, если я буду жить вечно? — суховато спросил Тисрок.

— А кроме того, отец мой и услада моих очей, — проговорил царевич после неловкого молчания, — мы напишем письмо от имени королевы о том, что она обожает меня и возвращаться не хочет. Всем известно, что женское сердце изменчиво.

— О многомудрый визирь, — сказал Тисрок, — просвети нас. Что ты думаешь об этих удивительных замыслах?

— О вечный Тисрок! — отвечал визирь. — Я слышал, что сын для отца дороже алмаза. Посмею

ли я открыть мои мысли, когда речь идёт о замысле, который опасен для царевича?

— Посмеешь, — сказал Тисрок. — Ибо тебе известно, что молчать — еще опасней для тебя.

— Слушаюсь и повинуюсь, — сказал злой Ахошта. — Знай же, о кладезь мудрости, что опасность не так уж велика. Боги скрыли от варваров свет разумения, стихи их — о любви и битвах, они ничему не учат. Поэтому им кажется, что этот поход прекрасен и благороден, а не безумен… ой! — При этом слове царевич опять пнул его.

— Смири себя, сын мой, — сказал Тисрок. — А ты, достойный визирь, говори, смирится король или нет. Людям достойным и разумным пристало терпеть малые невзгоды.

— Слушаю и повинуюсь, — согласился визирь, немного отодвигаясь. — Итак, им понравится этот… э-э… диковинный замысел, особенно потому, что причиною — любовь к женщине. Если царевича схватят, его не убьют… Более того: отвага и сила страсти могут тронуть сердце королевы.

— Неглупо, старый болтун, — сказал Рабадаш. — Даже умно, как ты только додумался…

— Похвала владык — услада моих ушей, — сказал Ахошта. — А ещё, о Тисрок, живущий вечно,

если силой богов мы возьмём Анвард, мы держим Нарнию за горло.

Надолго воцарилась тишина, и девочки затаили дыхание. Наконец Тисрок молвил:

— Иди, мой сын, делай, как задумал. Помощи от меня не жди. Я не отомщу за тебя, если ты погибнешь, и не выкуплю, если ты попадёшь в плен. Если же ты втянешь меня в ссору с Нарнией, наследником будешь не ты, а твой младший брат. Итак, иди. Действуй быстро, тайно, успешно. Да хранит тебя великая Таш.

Рабадаш преклонил колени и поспешно вышел из комнаты. К неудовольствию Аравиты, Тисрок и визирь остались.

— Уверен ли ты, что ни одна душа не слышала нашей беседы?

— О владыка! — сказал Ахошта. — Кто же мог услышать? Потому я и предложил, а ты согласился, чтобы мы беседовали здесь, в Старом Дворце, куда не заходят слуги.

— Прекрасно, — сказал Тисрок. — Если кто узнает, он умрёт через час, не позже. И ты, благоразумный визирь, забудь всё! Сотрём из наших сердец память о замыслах царевича. Он ничего не сказал мне — молодость пылка, опрометчива и строптива. Когда он возьмёт Анвард, мы очень удивимся.

— Слушаю… — начал Ахошта.

— Вот почему, — продолжал Тисрок, — тебе и в голову не придёт, что я, жестокий отец, посылаю

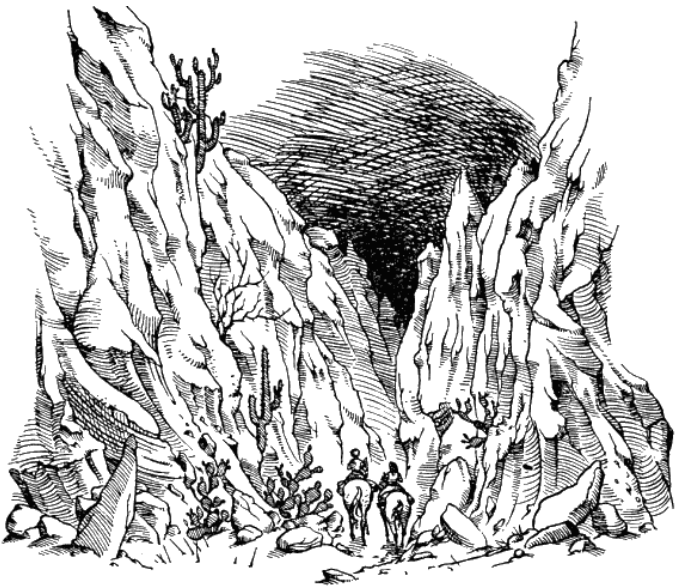
сына на верную смерть, как ни желанна тебе эта мысль, ибо ты не любишь царевича.

— О просветленный Тисрок! — отвечал визирь. — Перед любовью к тебе ничтожны мои чувства к царевичу и к себе самому.

— Похвально, — сказал Тисрок. — Для меня тоже всё ничтожно перед любовью к могуществу. Если царевич преуспеет, мы обретём Орландию, а там — и Нарнию. Если же он погибнет… Старшие сыновья опасны, а у меня ещё восемнадцать детей. Пять моих предшественников погибли по той причине, что старшие их сыновья устали ждать. Пускай охладит свою кровь на Севере. Теперь же, о многоумный визирь, меня клонит ко сну. Как-никак, я отец. Я беспокоюсь. Вели послать музыкантов в мою опочивальню. Да, и вели наказать третьего повара, что-то живот побаливает…

— Слушаю и повинуюсь, — отвечал визирь, дополз задом до двери, приподнялся, коснулся головой пола и исчез за дверью. Охая и вздыхая, Тисрок медленно встал, дал знак рабам, и все они вышли; а девочки перевели дух.

Глава девятая
Пустыня



— Какой ужас! Какой жуткий ужас! — хныкала Лазорилина. — Я с ума сойду… я умру… Я вся дрожу, потрогай мою руку!

— Они ушли, — сказала Аравита, которая и

сама дрожала. — Когда мы выберемся из этой комнаты, нам ничего не будет грозить. Сколько мы времени потеряли! Веди меня поскорее к этой твоей калитке.

— Как ты можешь? — возопила Лазорилина. — Я без сил. Я разбита. Полежим и пойдём обратно.

— Почему это? — спросила Аравита.

— Какая ты злая! — воскликнула её подруга и разрыдалась. — Совсем меня не жалеешь!

Аравита в тот миг не была склонна к жалости.

— Вот что! — крикнула она, встряхивая подругу. — Если ты меня не поведёшь, я закричу, и нас найдут.

— И у-у-бьют! — проговорила Лазорилина. — Ты слышала, что сказал Тисрок (да живёт он вечно)?

— Лучше умереть, чем выйти замуж за Ахошту, — ответила Аравита. — Идём.

— Какая ты жестокая! — причитала Лазорилина. — Я в *таком состоянии*... — Но всё же пошла и вывела Аравиту по длинным коридорам в дворцовый сад, спускавшийся уступами к городской стене.

Луна ярко светила. Как это ни прискорбно, мы часто попадаем в самые красивые места, когда нам не до них, и Аравита смутно вспоминала всю жизнь серую траву, какие-то фонтаны и чёрные

тени кипарисов.

Открывать калитку пришлось ей самой — Лазорилина просто тряслась. Они увидели реку, отражавшую лунный свет, и маленькую пристань, и несколько лодок.

— Прощай, — сказала беглянка. — Спасибо. Прости, что я такая свинья.

— Может, ты передумаешь? — спросила подруга. — Ты же видела, какой он большой человек!

— Он гнусный холуй, — сказала Аравита. — Я скорее выйду за конюха, чем за него. Прощай. Да, наряды у тебя очень хорошие. И дворец лучше некуда. Ты будешь счастливо жить — но я так жить не хочу. Закрой калитку потише.

Уклонившись от пылких объятий, она прыгнула в лодку. Где-то ухала сова. «Как хорошо!» — подумала Аравита; она никогда не жила в городе, и он ей не понравился.

На другом берегу было совсем темно. Чутьём или чудом она нашла тропинку — ту самую, которую нашёл Шаста, и тоже пошла налево, и разглядела во мраке глыбы усыпальниц. Тут, хотя она была очень смелой, ей стало жутко. Но она подняла подбородок, чуточку высунула язык и направилась прямо вперёд.

И тут же, в следующий миг, она увидела лоша-

дей и слугу.

— Иди к своей хозяйке, — сказала она, забыв, что ворота заперты. — Вот тебе за труды.

— Слушаю и повинуюсь, — сказал слуга и помчался к берегу. Кто-кто, а он привидений боялся.

— Слава Льву, вон и Шаста! — воскликнул Игого.

Аравита повернулась и впрямь увидела Шасту, который вышел из-за усыпальницы, как только удалился слуга.

— Ну, — сказала она, — не будем терять времени. — И быстро поведала о том, что узнала во дворце.

— Подлые псы! — вскричал конь, встряхивая гривой и цокая копытом. — Рыцари так не поступают! Но мы опередим его и предупредим северных королей!

— А мы успеем? — спросила Аравита, взлетая в седло так, что Шаста позавидовал ей.

— О-го-го!.. — отвечал конь. — В седло, Шаста! Успеем ли мы! Ещё бы!

— Он говорил, что выступит сразу, — напомнила Аравита.

— Люди всегда так говорят, — объяснил конь. — Двести коней и воинов сразу не соберёшь. Вот мы тронемся сразу. Каков наш путь, Шаста? Прямо на Север?

— Нет, — отвечал Шаста. — Я нарисовал, смотри. Потом объясню. Значит, сперва налево.

— И вот ещё что, — сказал конь. — В книжках пишут: «Они скакали день и ночь», но этого не бывает. Надо сменять шаг на рысь. Когда мы будем идти шагом, вы можете идти рядом с нами. Ну всё. Ты готова, госпожа моя Уинни? Тогда — в Нарнию!

Сперва всё было прекрасно. За долгую ночь песок остыл, и воздух был прохладным, прозрачным и свежим. В лунном свете казалось, что перед ними — вода на серебряном подносе. Тишина

стояла полная, только мягко ступали лошади, и Шаста, чтобы не уснуть, иногда шёл пешком.

Потом — очень не скоро — луна исчезла. Долго царила тьма; наконец Шаста увидел холку Игого и медленно-медленно стал различать серые пески. Они были мёртвыми, словно путники вступили в мёртвый мир. Похолодало. Хотелось пить. Копыта звучали глухо — не «цок-цок-цок», а вроде бы «хох-хох-хох».

Должно быть, прошло ещё много часов, когда далеко справа появилась бледная полоса. Потом она порозовела.

Наступало утро, но его приход не приветствовала ни одна птица. Воздух стал не теплее, а ещё холодней.

Вдруг появилось солнце, и всё изменилось. Песок мгновенно пожелтел и засверкал, словно усыпанный алмазами. Длинные-предлинные тени легли слева от лошадей. Далеко впереди ослепительно засияла двойная вершина, и Шаста заметил, что они немного сбились с курса.

— Чуть-чуть левее, — сказал он Игого и обернулся.

Ташбаан казался ничтожным и тёмным, усыпальницы исчезли, словно их поглотил город Тисрока. От этого всем стало легче.

Но ненадолго. Вскоре Шасту начал мучить солнечный свет. Песок сверкал так, что глаза болели, но закрыть их Шаста не мог — он глядел на двойную вершину. Когда он спешился, чтобы немного передохнуть, он ощутил, как мучителен зной. Когда он спешился во второй раз, жарой дохнуло, как из печи. В третий раз он вскрикнул, коснувшись песка босой ступней, и мигом взлетел в седло.

— Ты уж прости, — сказал он коню. — Не могу, ноги обжигает. Тебе-то хорошо в туфлях, — сказал он Аравите, которая шла за своей лошадью. Она молча поджала губы — надеюсь, не из гордости.

После этого бесконечно длилось одно и то же: жара, боль в глазах, головная боль, запах своего и конского пота. Город далеко позади не исчезал никак, даже не уменьшался, горы впереди не становились ближе. Каждый старался не думать ни о прохладной воде, ни о ледяном шербете, ни о холодном молоке, густом, нежирном; но чем больше они старались, тем хуже это удавалось.

Когда все совсем измучились, появилась скала ярдов в пять-десять шириной, в тридцать высотой. Тень была короткой (солнце стояло высоко), но всё же была. Дети поели и выпили воды. Лошадей напоили из фляжки — это очень трудно,

но Игого и Уинни старались, как могли. Никто не сказал ни слова. Лошади были в пене и тяжело дышали. Шаста и Аравита были очень бледны.

Потом они снова двинулись в путь, и время едва ползло, пока солнце не стало медленно спускаться по ослепительному небу. Когда оно скрылось, угас мучительный блеск песка, но жара держалась еще долго. Ни малейших признаков ущелья, о котором говорили гном и ворон, не было и в помине. Опять тянулись часы — а может, долгие минуты; взошла луна; и вдруг Шаста крикнул (или прохрипел — так пересохло у него в горле):

— Глядите!

Впереди, немного справа, начиналось ущелье. Лошади ринулись туда, ничего не ответив от усталости, но поначалу там было хуже, чем в пустыне, слишком уж душно и темно. Дальше стали попадаться растения вроде кустов и трава, которой вы порезали бы пальцы. Копыта стучали уже «цок-цок-цок», но весьма уныло, ибо воды всё не было. Много раз сворачивала тропка то вправо, то влево (ущелье оказалось чрезвычайно извилистым), пока трава не стала мягче и зеленее. Наконец Шаста — не то дремавший, не то сомлевший — вздрогнул и очнулся: Игого остановился как вкопанный. Перед ними в маленькое

озерцо, скорее похожее на лужу, низвергался водопадом источник. Лошади припали к воде, Шаста спрыгнул и полез в лужу; она оказалась ему по колено. Наверное, то была лучшая минута его жизни.

Минут через десять повеселевшие лошади и мокрые дети огляделись и увидели сочную траву, кусты, деревья. Должно быть, кусты цвели, ибо запах был несказанно прекрасен; а ещё прекрасней были звуки, которых Шаста никогда не слышал, — это пел соловей.

Лошади легли на землю, не дожидаясь, пока их расседлают. Легли и дети. Все молчали, только минут через пятнадцать Уинни проговорила:

— Спать нельзя… Надо опередить этого Рабадаша.

— Нельзя, нельзя… — сонно повторил Игого. — Отдохнём немного…

Шаста подумал, что надо что-нибудь сделать, иначе все заснут. Он даже *решил* встать — но не сейчас… чуточку позже…

И через минуту луна освещала детей и лошадей, крепко спавших под пение соловья.

Первой проснулась Аравита и увидела в небе солнце. «Это всё я! — сердито сказала она самой себе. — Лошади очень устали, а он… куда ему,

он ведь совсем не воспитан!.. Вот мне стыдно, я — тархина». — И принялась будить других.

Они совсем отупели от сна и поначалу не понимали, в чём дело.

— Ай-ай-ай, — сказал Игого. — Заснул нерассёдланным!.. Нехорошо и неудобно.

— Да вставай ты, мы потеряли пол-утра! — кричала Аравита.

— Дай хоть позавтракать, — отвечал конь.

— Боюсь, ждать нам нельзя, — сказала Аравита, но Игого укоризненно промолвил:

— Что за спешка? Пустыню мы прошли как-никак.

— Мы не в Орландии! — вскричала она. — А вдруг Рабадаш нас обгонит?

— Ну, он ещё далеко, — благодушно сказал конь. — Твой ворон говорил, что эта дорога короче, да, Шаста?

— Он говорил, что она *лучше*, — ответил Шаста. — Очень может быть, что короче, — прямо на север.

— Как хочешь, — сказал Игого, — но я идти не могу. Должен закусить. Убери-ка уздечку.

— Простите, — застенчиво сказала Уинни, — мы, лошади, часто делаем то, чего не можем. Так надо людям… Неужели мы сейчас не постараемся

ради Нарнии?

— Госпожа моя, — сердито сказал Игого, — мне кажется, я знаю больше, чем ты, что может лошадь в походе, чего — не может.

И она замолчала, ибо, как все породистые кобылы, легко смущалась и смирялась. А права-то была она. Если бы на нём ехал тархан, Игого как-то смог бы идти дальше. Что поделаешь! Когда ты долго был рабом, трудно бороться со своими желаниями.

Словом, все ждали, пока Игого наестся и напьётся вволю, и, конечно, подкрепились сами. Тронулись в путь часам к одиннадцати. Впереди шла Уинни.

Долина была так прекрасна — и трава, и мох, и цветы, и кусты, и прохладная речка, — что все двигались медленно.

Глава десятая
Отшельник

Ещё через много часов долина стала шире, ручей превратился в реку, а та впадала в другую реку, побольше и побурнее, которая текла слева направо. За второю рекой открывались взору зелёные холмы, восходящие уступами к северным горам. Теперь горы были так близко и вершины их так сверкали, что Шаста мог различить, какая из них двойная. Но прямо перед нашими путниками (хотя и выше, конечно) темнел перевал — должно быть, то и был путь из Орландии в

Нарнию.

— Север, Север, Се-е-вер! — воскликнул Игого.

И впрямь, дети никогда не видали, даже вообразить не могли таких зелёных, светлых холмов. Реку, текущую на восток, нельзя было переплыть, но, поискав справа и слева, наши путники нашли брод. Рёв воды, холодный ветер и стремительные стрекозы привели Шасту в полный восторг.

— Друзья, мы в Орландии! — гордо сказал Игого, выходя на северный берег. — Кажется, эта река называется Орлянка.

— Надеюсь, мы не опоздали, — тихо прибавила Уинни.

Они стали медленно подниматься, петляя, ибо склоны были круты. Деревья росли редко, не образуя леса; Шаста, выросший в краях, где деревьев мало, никогда не видел их столько сразу. Вы бы узнали (он не узнал) дубы, буки, клёны, берёзы и каштаны. Под ними сновали кролики, и вдруг промелькнуло целое стадо оленей.

— Какая красота! — воскликнула Аравита.

На первом уступе Шаста обернулся и увидел одну лишь пустыню — Ташбаан исчез. Радость его была бы полной, если бы он не увидел при этом и чего-то вроде облака.

— Что это? — спросил он.

— Наверное, песчаный смерч, — сказал Игого.

— Ветер для этого слаб, — сказала Аравита.

— Смотрите! — воскликнула Уинни. — Там что-то блестит — ой, это шлемы… и кольчуги!

— Клянусь великой Таш, — сказала Аравита, — это они, тархистанцы.

— Да, — сказала Уинни. — Скорей! Опередим их! — И понеслась стрелой вверх, по крутым холмам. Игого опустил голову и поскакал за нею.

Скакать им было трудно. За каждым уступом лежала долинка, потом шёл другой уступ; они знали, что не сбились с дороги, но не знали, далеко ли до Анварда. Со второго уступа Шаста оглянулся опять и увидел уже не облако, а тучу или полчище муравьев у самой реки. Без сомнения, армия Рабадаша искала брод.

— Они у реки! — дико закричал он.

— Скорей, скорей! — воскликнула Аравита. — Скачи, Игого! Вспомни, ты — боевой конь.

Шаста понукать коня не хотел, он думал: «И так бедняга скачет изо всех сил».

На самом же деле лошади скорее *полагали,* что быстрее скакать не могут, а это не совсем одно и то же. Игого поравнялся с Уинни; Уинни хрипела.

И в эту минуту сзади раздался странный звук

— не звон оружия, и не цокот копыт, и не боевые крики, а рёв, который Шаста слышал той ночью, когда встретил Уинни и Аравиту. Игого узнал этот рёв, глаза его налились кровью, и он неожиданно понял, что бежал до сих пор совсем не изо всех сил. Через несколько секунд он оставил Уинни далеко позади.

«Ну что это такое! — думал Шаста. — И тут львы!»

Оглянувшись через плечо, он увидел огромного льва, который несся, стелясь по земле, как кошка, убегающая от собаки. Взглянув вперёд, Шаста тоже не увидел ничего хорошего: дорогу перегораживала зелёная стена футов в десять. В ней были воротца, в воротцах стоял человек. Одежды его — цвета осенних листьев — ниспадали к босым ногам, белая борода доходила до колен.

Шаста обернулся — лев уже почти схватил Уинни — и крикнул Игого:

— Назад! Надо им помочь!

Всегда, всю свою жизнь Игого утверждал, что не понял его или не расслышал. Всем известна его правдивость, и мы поверим ему.

Шаста спрыгнул с коня на полном скаку (а это очень трудно и, главное, страшно). Боли он не ощутил, ибо кинулся на помощь Аравите. Нико-

гда в жизни он так не поступал и не знал, почему делает это сейчас.

Уинни закричала, это был очень страшный и жалобный звук. Аравита, прижавшись к её холке, пыталась вынуть кинжал. Все трое — лошадь, Аравита и лев — нависли над Шастой. Но лев не тронул его — он встал на задние лапы и ударил Аравиту правой лапой, передней. Шаста увидел его страшные когти; Аравита дико закричала и покачнулась в седле. У Шасты не было ни меча, ни палки, ни даже камня. Он кинулся было на страшного зверя, глупо крича: «Прочь! Пошел отсюда!» Малую часть секунды он глядел в разверстую алую пасть. Потом, к великому его удивлению, лев перекувырнулся и удалился не спеша.

Шаста решил, что он вот-вот вернётся, и ки-

нулся к зелёной стене, о которой только теперь вспомнил. Уинни, вся дрожа, вбежала тем временем в ворота. Аравита сидела прямо, по спине её струилась кровь.

— Добро пожаловать, дочь моя, — сказал старик. — Добро пожаловать, сын мой. — И ворота закрылись за еле дышащим Шастой.

Беглецы оказались в большом дворце, окружённом стеной из торфа. Двор был совершенно круглым, а в самой его середине тихо сиял круглый маленький пруд. У пруда, осеняя его ветвями, росло самое большое и самое красивое дерево, какое Шаста видел. В глубине двора стоял невысокий домик, крытый черепицей. Около него гуляли козы. Земля была сплошь покрыта сочной свежей травой.

— Вы… вы… Лум, король Орландии? — выговорил Шаста.

Старик покачал головой.

— Нет, — сказал он. — Я отшельник. Не трать времени на вопросы, а слушай меня, сын мой. Девица ранена, лошади измучены. Рабадаш только что отыскал брод. Беги, и ты успеешь предупредить короля Лума.

Сердце у Шасты упало — он знал, что бежать не может. Он подивился жестокости старика, ибо

ещё не ведал, что стоит нам сделать что-нибудь хорошее, как мы должны в награду сделать то, что ещё лучше и еще труднее. Но сказал он почему-то:

— Где король?

Отшельник обернулся и указал посохом на север.

— Гляди, — сказал он, — вон другие ворота. Открой их и беги прямо, вверх и вниз, по воде и посуху, не сворачивая. Там ты найдешь короля. Беги!

Шаста кивнул и скрылся за северными воротами. Тогда отшельник, всё это время поддерживающий Аравиту левой рукой, медленно повёл её к дому. Вышел он не скоро.

— Двоюродный брат мой, двоюродная сестра, — обратился он к лошадям, — теперь ваша очередь.

Не дожидаясь ответа, он расседлал их, а потом почистил скребницей лучше самого королевского конюха.

— Пейте воду и ешьте траву, — сказал он, — и отдыхайте. Когда я подою двоюродных сестер моих коз, я дам вам еще поесть.

— Господин мой, — сказала Уинни, — выживет ли тархина?

— Я знаю много о настоящем, — отвечал ста-

рец, — мало — о будущем. Никто не может сказать, доживёт ли человек или зверь до сегодняшней ночи. Но не отчаивайся. Девица здорова и, думаю, проживёт столько, сколько любая девица её лет.

Когда Аравита очнулась, она обнаружила, что покоится на мягчайшем ложе в прохладной беленой комнате. Она не понимала, почему лежит ничком, но, попытавшись повернуться, вскрикнула от боли и вспомнила всё. Из чего сделано ложе, она не знала и знать не могла, ибо то был вереск. Спать на нем — мягче всего.

Открылась дверь, и вошел отшельник с деревянной миской в руке. Осторожно поставив её, он спросил:

— Лучше ли тебе, дочь моя?

— Спина болит, отец мой, — отвечала она. — А так ничего.

Он опустился на колени, потрогал её лоб и пощупал пульс.

— Жара нет, — сказал он. — Завтра ты встанешь. А сейчас выпей это.

Пригубив, Аравита поморщилась — козье молоко противно с непривычки, — но выпила, очень уж ей хотелось пить.

— Спи, сколько хочешь, дочь моя, — сказал отшельник. — Я промыл и смазал бальзамом твои

раны. Они не глубже удара бича. Какой удивительный лев! Не стянул тебя с седла, не вонзил в тебя зубы, только поцарапал. Десять полосок… Больно, но не опасно.

— Мне повезло, — сказала Аравита.

— Дочь моя, — сказал отшельник, — я прожил сто девять зим и ни разу не видел, чтобы кому-нибудь повезло. Везенья нет, есть что-то иное. Я не знаю, что, но если будет надо, мне откроется и это.

— А где Рабадаш и его люди? — спросила Аравита.

— Думаю, — сказал отшельник, — здесь они не пойдут, возьмут правее. Они хотят попасть прямо в Анвард.

— Бедный Шаста! — сказала Аравита. — Далеко он убежал? Успеет он?

— Надеюсь, — сказал отшельник.

Аравита осторожно легла, теперь — на бок, и спросила:

— А долго я спала? Уже темнеет.

Отшельник посмотрел в окно, выходящее на север.

— Это не вечер, — сказал он. — Это тучи. Они ползут с Вершины Бурь; непогода в наших местах всегда идёт оттуда. Ночью будет туман.

Назавтра спина ещё болела, но Аравита совсем оправилась, и после завтрака (овсянки и сливок) отшельник разрешил ей встать. Конечно, она сразу же побежала к лошадям. Погода переменилась. Зелёная чаша двора была полна до краёв сияющим светом. Здесь было очень укромно, хорошо и тихо.

— Где Игого? — спросила беглянка, когда они справились друг у друга о здоровье.

— Вон там, — отвечала Уинни. — Поговори с ним, он молчит, когда я с ним заговариваю.

Игого лежал у задней стены, отвернувшись, и не ответил на их приветствие.

— Доброе утро, Игого, — сказала Аравита, — как ты себя чувствуешь?

Конь что-то пробурчал.

— Отшельник думает, что Шаста успел предупредить короля, — продолжала она. — Беды наши кончились. Скоро мы будем в Нарнии.

— Я там не буду, — сказал Игого.

— Тебе нехорошо? — всполошились и лошадь, и девочка.

Он обернулся и проговорил:

— Я вернусь в Тархистан.

— Как? — воскликнула Аравита. — Туда, в рабство?

— Я лучшего не стою, — сказал он. — Как я покажусь благородным нарнийским лошадям? Я, оставивший двух дам и мальчика на съедение льву!

— Мы все убежали, — сказала Уинни.

— Мы, но не *он*! — вскричал Игого. — Он побежал спасать вас. Ах, какой стыд! Я кичился перед ним, а он — ребёнок, и в бою не бывал, и примера ему не с кого брать…

— Да, — сказала Аравита. — И мне стыдно. Он молодец. Я вела себя не лучше, чем ты, Игого. Я смотрела на него сверху вниз, тогда как он — самый благородный из нас. Но я хочу просить у него прощения, а не возвращаться в Тархистан.

— Как знаешь, — сказал Игого. — Ты осрамилась, не больше. Я потерял всё.

— Добрый мой конь, — сказал отшельник, незаметно подошедший к ним, — ты не потерял ничего, кроме гордыни. Не тряси гривой. Если ты и впрямь так сильно казнишься, выслушай меня. Когда ты жил среди бедных немых коней, ты много о себе возомнил. Конечно, ты был храбрей и умнее их — это нетрудно. Но в Нарнии немало таких, как ты. Помни, что ты — один из многих, и ты станешь одним из лучших. А теперь, брат мой и сестра, пойдёмте, вас ждёт угощение.

Глава одиннадцатая
Неприятный спутник

Миновав ворота, Шаста побежал дальше, сперва — по траве, потом — по вереску. Он ни о чём не думал и ничего не загадывал, только бежал. Ноги у него подкашивались, в боку сильно кололо, пот заливал лицо, мешая смотреть, а к довершению бед он чуть не вывихнул лодыжку, споткнувшись о камень.

Деревья росли всё гуще. Прохладней не стало — был один из тех душных пасмурных дней, когда мух вдвое больше, чем обычно. Мухи эти непрестанно садились ему на лоб и на нос, он их не отгонял.

Вдруг он услышал звук охотничьего рога — не грозный, как в Ташбаане, а радостный и весёлый. И почти сразу увидел пёструю, весёлую толпу.

На самом деле то была не толпа, а всего человек двадцать в ярко-зелёных камзолах. Одни сидели в седле, другие стояли, держа коней под уздцы.

В самом центре высокий оруженосец придерживал стремя для своего господина, а господин этот был на диво приветливым, круглолицым, ясноглазым королём.

Завидев Шасту, король не стал садиться на коня. Лицо его просветлело. Он громко и радостно закричал, протягивая к мальчику руки:

— Корин, сынок! Почему ты бежишь, почему ты в лохмотьях?

— Я не принц Корин, — еле выговорил Шаста. — Я… я его видел в Ташбаане… он шлёт вам привет.

Король глядел на него пристально и странно.

— Вы король Лум? — задыхаясь, спросил Шаста и продолжал, не дожидаясь ответа: — Бегите… в Анвард… заприте ворота… сюда идет Рабадаш… с

ним двести воинов.

— Ты уверен в том, что говоришь? — спросил один из придворных.

— Я видел их, — отвечал Шаста. — Видел своими глазами. Я проделал тот же путь.

— Пешком? — удивился придворный.

— Верхом, — отвечал Шаста. — Лошади сейчас у отшельника.

— Не расспрашивай его, Дарин, — сказал король. — Он не лжёт. Подведите ему коня. Ты умеешь скакать во весь опор, сынок?

Шаста, не отвечая, взлетел в седло и был несказанно рад, когда Дарин сказал королю:

— Какая выправка, ваше величество. Несомненно, этот мальчик знатного рода.

— Ах, Дарин, — сказал король, — об этом я и думаю! — И снова пристально посмотрел на Шасту добрыми серыми глазами.

Тот и впрямь прекрасно сидел в седле, но совершенно не знал, что делать с поводьями. Он внимательно, хотя и украдкой, глядел, что делают другие (как глядим мы в гостях, когда не знаем, какую взять вилку), и всё же надеялся, что конь сам разберёт, куда идти. Конь был не говорящий, но умный; он понимал, что мальчик без шпор — ему не хозяин, поэтому Шаста вскоре оказался

в хвосте отряда.

Впервые с тех пор, как он вошел в Ташбаан, у него полегчало на сердце, и он посмотрел вверх, чтобы определить, насколько приблизилась вершина. Однако он увидел лишь какие-то серые комья. Он никогда не бывал в горах, и ему показалось очень занятным проехать сквозь тучу. «Тут мы и впрямь в небе, — подумал он. — Посмотрю, что в туче, внутри. Мне давно хотелось…»

Далеко слева садилось солнце.

Дорога теперь была нелёгкая, но двигались они быстро. Шаста всё ещё ехал последним. Раза два, когда тропа сворачивала, он на мгновение терял других из вида (по сторонам стоял густой, сплошной лес).

Потом они нырнули в туман, или, если хотите, туман поглотил их. Всё стало серым. Шаста не подозревал, как холодно и мокро внутри тучи и как темно. Серое слишком уж быстро становилось чёрным.

Кто-то впереди отряда иногда трубил в рог; и звук этот был всё дальше. Шаста опять никого не видел и думал, что увидит, когда минет очередной поворот. Но нет — и за поворотом он не увидел никого. Конь шёл шагом. «Скорей, ну, скорей!» — сказал ему Шаста. Вдалеке про-

трубил рог. Игого вечно твердил, что нельзя и коснуться пяткой его бока, и Шаста думал, что, если он коснётся, произойдет что-то страшное. Но сейчас он задумался. «Вот что, конь, — сказал он. — Если ты будешь так тащиться, я тебя… ну… как бы пришпорю. Да, да!» Конь не обратил на это внимания. Шаста сел покрепче в седло, сжал зубы и выполнил свою угрозу.

Толку не было — конь буквально шагов пять протрусил рысью, не больше. Совсем стемнело, рог умолк, только ветки похрустывали справа и слева.

— Куда-нибудь, да выйдем, — сказал Шаста. — Хорошо бы не к Рабадашу!..

Коня своего он почти ненавидел, и ему хотелось есть.

Наконец он доехал до развилки. Когда он прикидывал, какая же дорога ведет в Анвард, сзади послышался цокот копыт. «Рабадаш! — подумал он. — По какой же он пойдёт дороге? Если я пойду по одной, он *может* пойти по другой, если я буду тут стоять — он меня, наверное, схватит». И он спешился и как можно быстрее повёл коня по правой дороге.

Цокот копыт приближался; минуты через две воины были у развилки. Шаста затаил дыхание.

Тут раздался голос:

— Помните мой приказ! Завтра, в Нарнии, каждая капля их крови будет ценней, чем галлон вашей. Я сказал: «Завтра». Боги пошлют нам лучшие дни, и мы не оставим живым никого между Кэр-Паравалем и Западной Степью. Но мы ещё не в Нарнии. Здесь, в Орландии, в замке Лума, важно одно: действовать побыстрей. Возьмите его за час. Вся добыча — ваша. Убивайте всех мужчин, даже новорождённых младенцев, а женщин, золото, камни, оружие, вино делите, как хотите. Если кто уклонится от битвы, сожгу живьём. А теперь во имя великой Таш — вперёд!

Звеня оружием, отряд двинулся по *другой* дороге. Шаста много раз за эти дни повторял слова «двести лошадей», но до сих пор не понимал, как долго проходит мимо такое войско. Наконец последний звук угас в тумане, и Шаста вздохнул с облегчением. Теперь он знал, какая из дорог ведёт в Анвард, но двинуться по ней не мог. «Что же делать?» — думал он. Конь тем временем шёл по другой дороге.

«Ну, куда-нибудь я приеду», — утешал себя Шаста. И впрямь, куда-то дорога вела; лес становился всё гуще, воздух — всё холоднее. Резкий ветер словно бы пытался и не мог развеять тумана.

Если бы Шаста бывал в горах, он бы понял, что это значит: они с конём были уже очень высоко.

«Какой я несчастный!.. — думал Шаста. — Всем хорошо, мне одному плохо. Король и королева Нарнии, да и свита их, бежали из Ташбаана, а я остался. Аравита, Уинни и Игого сидят у отшельника и горя не знают, а меня, конечно, послали сюда. Король Лум и его люди, наверно, уже в замке и успеют закрыть ворота, а я... да что и говорить!..»

От голода, усталости и от жалости к себе он горько заплакал.

Но как только слёзы потекли по его щекам, он почувствовал, что за ним кто-то идёт. Он не видел ничего, слышал только дыхание, и ему казалось, что неведомое существо — очень большое. Он вспомнил, что в этих краях живут великаны. Теперь ему было о чём плакать — но слёзы сразу высохли.

Что-то (или *кто-то*) шло так тихо, что Шаста подумал, не померещилось ли ему, и успокоился, но тут услышал очень глубокий вздох и почувствовал на левой щеке горячее дыхание.

Если бы конь был получше — или если бы он знал, как с ним справиться, — он бы пустился вскачь; но он понимал, что это невозможно.

Конь шёл неспешно, а существо шло почти рядом. Шаста терпел, сколько мог, наконец он спросил:

— Кто ты такой? — И услышал негромкий, но очень глубокий голос:

— Тот, кто долго тебя ждал.

— Ты… великан? — тихо спросил Шаста.

— Можешь звать меня великаном, — отвечал голос. — Но я не из тех созданий, которых ты назвал бы великанами.

— Я не вижу тебя, — сказал Шаста и вдруг страшно испугался. — А ты… ты не мёртвый? Уйди, уйди, пожалуйста! Что я тебе сделал! Нет, почему мне хуже всех?

Тёплое дыхание коснулось его руки и лица.

— Ну как, живой я? — спросил голос. — Расскажи мне свои печали.

И Шаста рассказал ему всё — что он не знает своих родителей, что его растил рыбак, что он бежал, что за ним гнались львы, что он настрадался от страха среди усыпальниц, а в пустыне были звери, и было жарко, и хотелось пить, а у самой цели ещё один лев погнался за ними и ранил Аравиту. Ещё он сказал, что давно ничего не ел.

— Я не назвал бы тебя несчастным, — сказал голос.

— А то как же! И львы за мной гнались, и…

— Лев был только один, — сказал голос.

— Да нет, в первую ночь их было два, а то и больше, и ещё…

— Лев был один, — сказал голос. — Он быстро бежал.

— А ты откуда знаешь? — удивился Шаста.

— Это я и был, — отвечал голос.

Шаста онемел от удивления, а голос продолжал:

— Это я заставил тебя ехать вместе с Аравитой. Это я согревал и охранял тебя среди усыпальниц. Это я — уже львом, а не котом, — отогнал от тебя шакалов. Это я придал лошадям новые силы в самом конце пути, чтобы ты успел предупредить короля Лума. Это я, хотя ты того и не помнишь, пригнал своим дыханием к берегу лодку, в которой лежал умирающий ребёнок.

— И Аравиту ранил ты?

— Да, я.

— Зачем же?

— Сын мой, — сказал голос, — я говорю о тебе, не о ней. Я рассказываю каждому только его историю.

— Кто ты такой? — спросил Шаста.

— Я — это я, — сказал голос так, что задрожали

камни. — Я — это я, — громко и ясно повторил он. — Я — это я, — прошептал он едва слышно, словно слова эти прошелестели в листве.

Шаста уже не боялся, что кто-то его съест, и не боялся, что кто-то — мёртвый. Но он *боялся* — и радовался.

Туман стал серым, потом белым, потом сияющим. Где-то впереди запели птицы. Золотой свет падал сбоку на голову лошади. «Солнце встаёт», — подумал Шаста и, поглядев в сторону, увидел огромнейшего льва. Лошадь его не боялась или не видела, хотя светился именно он, солнце ещё не встало. Лев был очень страшный и невыразимо прекрасный.

Шаста жил до сих пор так далеко, что ни разу не слышал тархистанских толков о страшном демоне, который ходит по Нарнии в обличье льва. Тем более не слышал он правды об Аслане, Царе царей. Но, взглянув на льва, он соскользнул на землю и поклонился ему. Он ничего не сказал, и сказать не мог, и знал, что говорить не нужно.

Царь царей коснулся носом его лба. Шаста посмотрел на него, глаза их встретились. Тогда прозрачное сияние воздуха и золотое сияние льва слились воедино и ослепили Шасту, а когда он прозрел, на зелёном склоне, под синим небом, бы-

ли только он и конь да на деревьях пели птицы.

Глава двенадцатая
Шаста в Нарнии

«Снилось мне это или нет?» — думал Шаста, когда увидел на дороге глубокий след львиной лапы (это была правая лапа, передняя). Ему стало страшно при мысли о том, какой надо обладать силой, чтобы оставить столь огромный и глубокий след. Но тут же он заметил ещё более удивительную вещь: след на глазах наполнялся водой, она перелилась через край, и резвый ручеёк побежал вниз по склону, петляя по траве.

Шаста слез с коня, напился вволю, окунул в ручей лицо и побрызгал водой на голову. Вода

была очень холодная и чистая, как стекло. Потом он встал с колен, вытряхивая воду из ушей, убрал со лба мокрые волосы и огляделся.

По-видимому, было очень рано. Солнце едва взошло; далеко внизу, справа, зеленел лес. Впереди и слева лежала страна, каких он до сих пор не видел: зелёные долины, редкие деревья, мерцание серебристой реки. По ту сторону долины виднелись горы, невысокие, но совсем не похожие на те, которые он только что одолел. И тут он внезапно понял, что это за страна.

«Вон что! — подумал он. — Я перевалил через хребет, отделяющий Орландию от Нарнии. И ночью… Как мне повезло, однако! Нет, при чём тут «повезло», это все *он*! Теперь я в Нарнии».

Шаста расседлал коня, который тут же принялся щипать траву.

— Ты *очень* плохой конь, — сказал Шаста, но тот и ухом не повёл. Он тоже был о Шасте невысокого мнения.

«Ах, если бы я ел траву! — подумал Шаста. — В Анвард идти нельзя, он осажден. Надо спуститься в долину, может, кто-нибудь меня накормит».

И он побежал вниз по холодной мокрой траве. Добежав до рощи, он услышал низкий, глуховатый голос:

— Доброе утро, сосед.

Шаста огляделся и увидел небольшое существо, которое вылезло из-за деревьев. Нет, оно было небольшим для человека, а для ежа — просто огромным.

— Доброе утро, — отвечал он. — Я не сосед, я нездешний.

— Да? — сказал ёж.

— Да, — ответил Шаста. — Вчера я был в Орландии, а ещё раньше…

— Орландия — это далеко, — сказал ёж. — Я там не бывал.

— Понимаешь, злые тархистанцы хотят взять Анвард, — сказал Шаста. — Надо сказать об этом вашему королю.

— Ну что ты! — сказал ёж. — Эти тархистанцы очень далеко, на краю света, за песчаным морем.

— Не так они далеко, — сказал Шаста. — Что-то надо делать.

— Да, делать надо, — согласился ёж. — Но сейчас я занят, иду спать. Здравствуй, сосед!

Слова эти относились к огромному желтоватому кролику, которому ёж немедленно рассказал новость. Кролик согласился, что делать что-то надо, и так пошло: каждые несколько минут то с ветки, то из норы появлялось какое-нибудь существо, пока, наконец, не собрался отрядец из пяти кроликов, белки, двух галок, козлоногого фавна и мыши, причём все они говорили одновременно, соглашаясь с ежом. В то золотое время, когда, победив Колдунью, Нарнией правил король Питер с братом и двумя сёстрами, мелкие лесные твари жили так счастливо, что распустились.

Вскоре пришли два существа поразумней: гном по имени Даффл и прекрасный олень с такими тонкими, красивыми ногами, что их, казалось,

можно переломить двумя пальцами.

— Клянусь Асланом! — проревел гном, услышав новость. — Что же мы стоим и болтаем? Враг в Орландии! Скорее в Кэр-Параваль! Нарния поможет доброму королю Луму.

— Ф-фух! — сказал ёж. — Король Питер не в Кэр-Паравале, он на севере, где великаны. Кстати о великанах, я вспомнил…

— Кто же туда побежит? — перебил его Даффл. — Я не умею быстро бегать.

— А я умею, — сказал олень. — Что передать? Сколько там тархистанцев?

— Двести, — едва успел ответить Шаста, а олень уже нёсся стрелой к Кэр-Паравалю.

— Куда он спешит? — сказал кролик. — Короля Питера нету…

— Королева Люси в замке, — ответил гном. — Человечек, что это с тобой? Ты совсем зелёный. Когда ты ел в последний раз?

— Вчера утром, — сказал Шаста.

Гном сразу же обнял его коротенькой рукой.

— Идём, идём, — сказал он. — Ах, друзья мои, как стыдно! Идем, сейчас мы тебя накормим. А то стоим, болтаем…

Даффл быстро повёл путника в самую чащу маленького леса. Шаста не мог пройти и несколь-

ких шагов, ноги дрожали, но тут они вышли на лужайку. Там стоял домик, из трубы шёл дым, дверь была открыта. Даффл крикнул:

— Братцы, а у нас гость!

В тот же миг Шаста почуял дивный запах, неведомый ему, но ведомый нам с вами — запах яичницы с ветчиной и жарящихся грибов.

— Смотри, не ушибись, — предупредил гном, но поздно — Шаста уже стукнулся головой о притолоку. — Теперь садись к столу. Он низковат, но и стул маленький. Вот так. — Перед Шастой поставили миску овсянки и кружку сливок. Он ещё не доел кашу, а братья Даффл, Роджин и Брикл уже несли сковороду с яичницей, грибы и дымящийся кофейник.

Шаста в жизни не ел и не пил ничего подобного. Он даже не знал, что за ноздреватые прямоугольники лежат в особой корзинке и почему карлики покрывают их чем-то мягким и жёлтым (в Тархистане есть только оливковое масло).

Домик был совсем другой, чем тёмная, пропахшая рыбой хижина или роскошный дворец в Ташбаане. Всё нравилось ему — и низкий потолок, и деревянная мебель, и часы с кукушкой, и букет полевых цветов, и скатерть в красную клетку, и белые занавески. Одно было плохо:

посуда оказалась для него слишком маленькой; но справились и с этим — и миску его, и чашку наполняли много раз, приговаривая: «Кофейку?», «Грибочков?», «Может, ещё яичницы?». Когда пришла пора мыть посуду, они бросили жребий. Роджин остался убирать; Даффл и Брикл вышли из домика, сели на скамейку и, с облегчением вздохнув, закурили трубки. Роса уже высохла, солнце припекало. Если бы не ветерок, было бы жарко.

— Чужеземец, — сказал Даффл, — смотри, вот наша Нарния. Отсюда видно всё до южной границы, и мы этим очень гордимся. По правую руку — Западные горы. Именно там — Каменный Стол. За ними…

Однако тут он услышал лёгкий храп — сытый и усталый Шаста заснул. Добрые гномы стали делать друг другу знаки и так шептались, кивали и суетились, что он бы проснулся, если бы мог.

Но к ужину он проснулся, поел и лёг на удобную постель, которую соорудили для него на полу из вереска, ибо в их деревянные кроватки он бы не влез. Ему даже сны не снились, а утром лесок огласили звуки труб.

Гномы и Шаста выбежали из домика. Трубы затрубили снова — не грозные, как в Ташбаане,

и не весёлые, как в Орландии, а чистые, звонкие и смелые. Вскоре зацокали копыта и из лесу выехал отряд.

Первым ехал лорд Перидан на гнедом коне, и в руке у него было знамя — алый лев на зелёном поле. Шаста сразу узнал этого льва. За ним следовали король Эдмунд и светловолосая девушка с очень весёлым лицом; на плече у неё был лук, на голове — шлем, у пояса — колчан, полный стрел («Королева Люси», — прошептал Даффл). Дальше на пони ехал принц Корин, а потом — и весь отряд, в котором, кроме людей и говорящих коней, были говорящие псы, кентавры, медведи и шестеро великанов. Да, в Нарнии есть и добрые великаны, только их меньше, чем злых. Шаста понял, что они — не враги, но смотреть на них не решился, тут надо привыкнуть.

Поравнявшись с домиком (гномы стали кланяться), король крикнул:

— Друзья, не пора ли нам отдохнуть и подкрепиться?

Все шумно спешились, а принц Корин стрелою кинулся к Шасте и обнял его.

— Вот здорово! — ликовал он. — Ты здесь! А мы только высадились в Паравале, сразу подбежал Черво, олень, и всё нам рассказал. Как ты думаешь…

— Не представишь ли ты нам своего друга? — спросил король Эдмунд.

— Вы не помните, ваше величество? — спросил Корин. — Это его вы приняли за меня в Ташба-

ане.

— Как они похожи! — вскричала королева. — Чудеса, просто близнецы!

— Ваше величество, — сказал Шаста, — я вас не предал, вы не думайте. Что поделаешь, я всё слышал. Но никому не сказал!

— Я знаю, что ты нас не предал, друг, — сказал король Эдмунд и положил ему руку на голову. — А вообще-то лучше не слушать то, что не предназначено для твоих ушей. Постарайся уж!

Тут начался звон и шум — ведь все были в кольчугах, — и Шаста минут на пять потерял из виду и Корина, и Эдмунда, и Люси. Но принц был не из тех, кого можно не заметить, и вскоре раздался громкий голос:

— Ну что это, клянусь Львом?! — говорил король. — С тобой, принц, больше хлопот, чем со всем войском.

Шаста пробился через толпу и увидел, что король разгневан, Корин немножко смущен, а незнакомый гном сидит на земле и чуть не плачет. Два фавна помогали ему снять кольчугу.

— Ах, было бы у меня моё лекарство! — говорила королева Люси. — Король Питер строго-настрого запретил мне брать его в сражения.

А случилось вот что. Когда Корин поговорил с

Шастой, его взял за локоть гном Торн.

— В чём дело? — спросил Корин.

— Ваше высочество, — сказал гном, отводя его в сторонку. — Надеюсь, к ночи мы прибудем в замок вашего отца. Возможно, тогда и будет битва.

— Знаю, — сказал Корин. — Вот здорово!

— Это дело вкуса, — сказал гном, — но король Эдмунд наказал мне, чтобы я не пускал ваше высочество в битву. Вы можете смотреть, и на том спасибо, в ваши-то годы!

— Какая чепуха! — вскричал Корин. — Конечно, я буду сражаться! Королева Люси будет с лучниками, а я…

— Её величество вольны решать сами, — сказал Торн, — но вас его величество поручил мне. Дайте мне слово, что ваш пони не отойдет от моего, или, по приказу короля, нас обоих свяжут.

— Да я им!.. — вскричал Корин.

— Хотел бы я на это поглядеть, — сказал Торн.

Такой мальчик, как Корин, вынести этого не мог. Корин был выше, Торн — крепче и старше, и неизвестно, чем кончилась бы драка, но она и не началась — гном поскользнулся (вот почему не стоит драться на склоне), упал и сильно ушиб ногу — так сильно, что выбыл из строя недели на две.

— Смотри, принц, что ты натворил! — сказал король Эдмунд. — Один из лучших наших воинов выбыл из строя.

— Я его заменю, сир, — отвечал Корин.

— Ты храбр, — сказал король, — но в битве мальчик может нанести урон только своим.

Тут короля кто-то позвал, а Корин, очень учтиво попросив прощения у гнома, зашептал Шасте на ухо:

— Скорее садись на его пони, бери его щит!

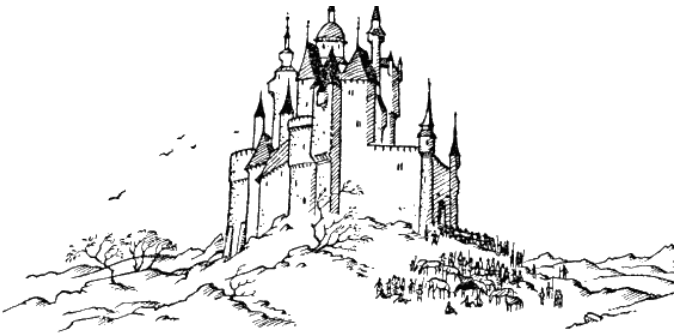
— Зачем? — спросил Шаста.

— Да чтобы сражаться вместе со мной! — воскликнул Корин. — Ты что, не хочешь?

— Ах да, конечно… — растерянно сказал Шаста. Корин тем временем уже натягивал на него кольчугу (с гнома её сняли, прежде чем внести его в домик) и говорил:

— Так. Через голову. Теперь меч. Поедем в хвосте, тихо, как мыши. Когда начнётся сражение, всем будет не до нас.

Глава тринадцатая
Битва



Часам к одиннадцати отряд двинулся к западу (горы были от него слева). Корин и Шаста ехали сзади, прямо за великанами. Люси, Эдмунд и Перидан были заняты предстоящей битвой, и хотя Люси спросила: «А где этот зверюга принц?», Эдмунд ответил: «Впереди его нет, и то спасибо».

Шаста тем временем рассказывал принцу, что научился ездить верхом у коня и не умеет пользоваться уздечкой. Корин показал ему, потом описал, как они отплывали из Ташбаана.

— Где королева Сьюзен? — спросил Шаста.

— В Кэр-Паравале, — ответил Корин. — Люси у нас — не хуже мужчины, ну, не хуже мальчика. А Сьюзен больше похожа на взрослую. Правда, она здорово стреляет из лука.

Тропа стала у́же, и справа открылась пропасть. Теперь они ехали гуськом, по одному. «А я тут ехал, — подумал Шаста и вздрогнул. — Вот почему лев был по левую руку. Он шёл между мной и пропастью».

Тропа свернула влево, к югу, по сторонам теперь стоял густой лес. Отряд поднимался всё выше. Если бы здесь была поляна, вид открылся бы прекрасный, а так — иногда над деревьями мелькали скалы, в небе летали орлы.

— Чуют добычу, — сказал Корин.

Шасте это не понравилось.

Когда одолели перевал и спустились пониже и лес стал пореже, перед ними открылась Орландия в голубой дымке, а за нею, вдалеке, — жёлтая полоска пустыни. Отряд — который мы можем назвать и войском — остановился ненадолго, и Шаста только теперь увидел, сколько в нём говорящих зверей, большей частью похожих на огромных кошек. Они расположились слева, великаны — справа. Шаста обратил внимание, что они все время несли на спине, а сейчас наде-

ли огромные сапоги, высокие, до самых колен. Потом они положили на плечи тяжёлые дубинки и вернулись на своё место. В арьергарде были лучники, среди них — королева Люси. Стоял звон — все рыцари надевали шлемы, обнажали мечи, поправляли кольчуги, сбросив плащи на землю. Никто не разговаривал. Это было очень торжественно и страшно, и Шаста подумал: «Ну, я попался...» Издалека донеслись какие-то тяжкие удары.

— Таран, — сказал принц. — Таранят ворота.

Теперь даже Корин казался серьёзным.

— Почему король Эдмунд так тянет? — проговорил он. — Поскорей бы уже! И холодно...

Шаста кивнул, надеясь, что по нему не видно, как он испуган.

И тут пропели трубы! Отряд тронулся рысью, и очень скоро показался небольшой замок с множеством башен. Ворота были закрыты, мост поднят. Над стенами, словно белые точки, виднелись лица орландцев. Человек пятьдесят били стену большим бревном. Завидев отряд, они мгновенно вскочили в седла (клеветать не буду, тархистанцы прекрасно обучены).

Нарнийцы понеслись вскачь. Все выхватили мечи, все прикрылись щитами, все сжали зубы,

все помолились Льву. Два воинства сближались. Шаста себя не помнил от страха, но вдруг подумал: «Если струсишь теперь, будешь трусить всю жизнь».

Когда отряды встретились, он перестал понимать что бы то ни было.

Всё смешалось, стоял страшный грохот. Меч у него очень скоро выбили. Он выпустил из рук уздечку. Увидев, что в него летит копьё, он наклонился вбок, и соскользнул с коня, и ударился о чей-то доспех, и… Но мы расскажем не о том, что видел он, а о том, что видел в пруду отшельник, рядом с которым стояли лошади и Аравита.

Именно в этом пруду он видел, как в зеркале, что творится много южнее Ташбаана, какие корабли входят в Алую Гавань на далёких островах, какие разбойники или звери рыщут в лесах Тельмара. Сегодня он от пруда не отходил, даже не ел, ибо знал, что происходит в Орландии. Аравита и лошади тоже смотрели. Они понимали, что пруд волшебный — в нём отражались не деревья, и не облака, а странные, туманные картины. Отшельник видел лучше, чётче и пересказывал им. Незадолго до того как Шаста начал свою первую битву, он сказал так:

— Я вижу орла… двух орлов… трех… над Вер-

шиной Бурь. Самый большой из них — самый старый из всех здешних орлов. Они чуют битву. А, вот почему люди Рабадаша так трудились весь день!.. Они тащат огромное дерево. Вчерашняя неудача чему-то их да научила. Лучше бы им сделать лестницы, но это долго, а Рабадаш нетерпелив. Какой, однако, глупец!.. Он должен был вчера уйти подобру-поздорову. Не удалась атака — и всё, ведь он мог рассчитывать только на внезапность. Нацелили бревно… Орландцы осыпают их стрелами… Они закрывают головы щитами… Рабадаш что-то кричит. Рядом с ним его приближённые. Вот Корадин из Тормунга, вот Азрох, Кламаш, Илгамут и какой-то тархан с красной бородой…

— Мой хозяин! — вскричал Игого. — Клянусь Львом, это Анрадин.

— Тише!.. — сказала Аравита.

— Таранят ворота. Ну и грохот, я думаю! Таранят… ещё… ещё… ни одни ворота не выдержат. Кто же это скачет с горы? Спугнули орлов… Сколько воинов! А, вижу знамя с алым львом! Это Нарния. Вот и король Эдмунд. И королева Люси, и лучники… и коты!

— Коты? — переспросила Аравита.

— Да, боевые коты. Леопарды, барсы, пантеры.

Они сейчас нападут на коней… Так! Тархистанские кони мечутся. Коты вцепились в них. Рабадаш посылает в бой ещё сотню всадников. Между отрядами сто ярдов… пятьдесят… Вот король Эдмунд, вот лорд Перидан… И какие-то дети… Как же это король разрешил им сражаться? Десять ярдов… Встретились. Великаны творят чудеса… один упал… В середине ничего не разберёшь, слева яснее. Вот опять эти мальчики… Аслане милостивый! Это принц Корин и ваш друг Шаста. Они похожи как две капли воды. Корин сражается как истинный рыцарь. Он убил тархистанца. Теперь я вижу и середину… Король и царевич вот-вот встретятся… Нет, их разделили…

— А как там Шаста? — спросила Аравита.

— О бедный глупый храбрый мальчик! — воскликнул старец. — Он ничего не умеет. Он не знает, что делать со щитом. А уж с мечом… Нет, вспомнил! Размахивает во все стороны… чуть не отрубил голову своей лошадке… Ну, меч выбили. Как же его пустили в битву?! Он и пяти минут не продержится. Ах ты, бедняга! Упал.

— Убит? — спросили все трое сразу.

— Не знаю, — отвечал отшельник. — Коты своё дело сделали. Коней у тархистанцев теперь нет — кто погиб, кто убежал. А коты опять бросаются

в бой! Они прыгнули на спину этим, с тараном. Таран лежит на земле… Ах, хорошо! Ворота открываются, сейчас выйдут орландцы. Вот и король Лум! Слева от него — Дар, справа — Дарин. За ними Тари и Зар, и Коль, и брат его Колин. Десять… двадцать… тридцать рыцарей. Тархистанцы кинулись на них. Король Эдмунд бьётся на славу. Отрубил Корадину голову. Тархистанцы бросают оружие, бегут в лес… А вот этим бежать некуда — слева коты, справа великаны, сзади Лум, твой тархан упал… Лум и Азрох бьются врукопашную… Лум побеждает… так, так… победил. Азрох — на земле. О, Эдмунд упал! Нет, поднялся. Бьется с Рабадашем в воротах замка. Тархистанцы сдаются, Дарин убил Илгамута. Не вижу, что с Рабадашем. Наверное, убит. Кламаш и Эдмунд дерутся, но битва кончилась. Кламаш сдался.

Ну, теперь всё.

Как раз в эту минуту Шаста приподнялся и сел. Он ударился не очень сильно, но лежал тихо, и лошади его не растоптали, ибо они, как это ни странно, ступают осторожно даже в битве. Итак, он приподнялся и, хотя понимал мало, догадался, что битва кончилась и победили Орландия и Нарния. Ворота стояли широко открытыми, тархистанцы — их осталось немного — явно были

пленными, король Эдмунд и король Лум пожимали друг другу руки поверх упавшего тарана. Лорды взволнованно и радостно беседовали о чём-то; и вдруг все засмеялись.

Шаста вскочил, хотя рука у него сильно болела, и побежал посмотреть, чему они смеются. Увидел он нечто весьма странное: царевич Рабадаш висел на стене замка, яростно дрыгая ногами. Кольчуга закрывала ему половину лица, и казалось, что он с трудом надевает тесную рубаху. На самом деле случилось вот что: в самый разгар битвы один из великанов наступил на Рабадаша, но не раздавил его (к чему стремился), а разорвал кольчугу шипами своего сапога. Таким образом, когда Рабадаш встретился с Эдмундом в воротах, на спине в кольчуге у злосчастного царевича была дыра. Эдмунд теснил его к стене, и он вспрыгнул на выступы, чтобы поразить врага сверху. Рабадашу казалось, что он грозен и велик; казалось это и другим — но лишь одно мгновение. Он крикнул: «Таш разит метко!», тут же отпрыгнул в сторону, испугавшись летящих в него стрел, и повис на крюке, который за много лет до того вбили в стену, чтобы привязывать лошадей. Теперь он болтался, словно бельё, которое вывесили сушиться.

— Вели снять меня, Эдмунд! — ревел Рабадаш. — Сразись со мной как мужчина и король, а если ты слишком труслив, вели меня прикончить!

Король Эдмунд шагнул к стене, чтобы снять его, но король Лум встал между ними.

— Разрешите, ваше величество, — сказал Лум Эдмунду и обратился к Рабадашу: — Если бы вы, ваше высочество, бросили этот вызов неделю тому назад, ни в Нарнии, ни в Орландии не отказался бы никто, от короля Питера до говорящей мыши. Но вы доказали, что вам неведомы законы чести, и рыцарь не может скрестить с вами меч. Друзья мои, снимите его, свяжите и унесите в замок.

Не буду описывать, как бранился, кричал и даже плакал царевич Рабадаш. Он не боялся пытки, но боялся смеха. До сих пор ни один человек не смеялся над ним.

Корин тем временем подтащил к королю Луму упирающегося Шасту и сказал:

— Вот и он, отец.

— А, и ты здесь? — сказал король принцу Корину. — Кто тебе разрешил сражаться? Ну что за сын у меня! — Но все, в том числе Корин, восприняли эти слова скорее как похвалу, чем как жалобу.

— Не браните его, государь, — сказал лорд Да-

рин. — Он просто похож на вас. Да вы и сами бы огорчились, если бы он…

— Ладно, ладно, — проворчал Лум, — на сей раз прощаю. А теперь…

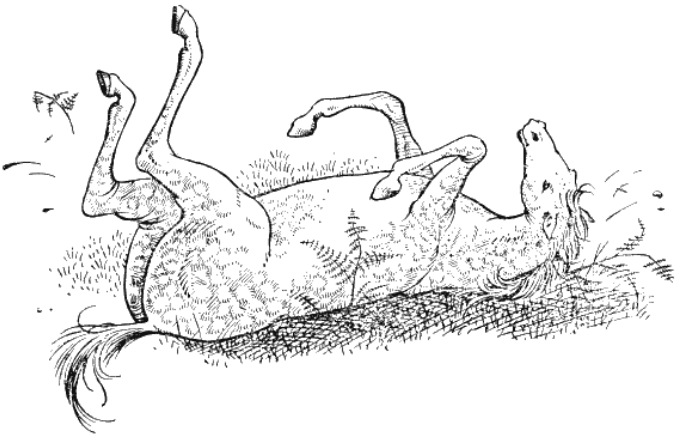
И тут, к вящему удивлению Шасты, король Лум склонился к нему, крепко, по-медвежьи, обнял, расцеловал и поставил рядом с Корином.

— Смотрите, друзья мои! — крикнул он своим рыцарям. — Кто из вас ещё сомневается?

Но Шаста и теперь не понимал, почему все так пристально смотрят на них и так радостно кричат:

— Да здравствует наследный принц!

Глава четырнадцатая
О том, как Игого стал умнее



Теперь мы должны вернуться к лошадям и Аравите. Отшельник сказал им, что Шаста жив и даже не очень серьёзно ранен, ибо он поднялся, а король Лум с необычайной радостью обнял его. Но отшельник только видел, он ничего не слышал и потому не мог знать, о чём говорили у замка.

Наутро лошади и Аравита заспорили о том, что

делать дальше.

— Я больше не могу, — сказала Уинни. — Я растолстела, как домашняя лошадка, всё время ем и не двигаюсь. Идемте в Нарнию.

— Только не сейчас, госпожа моя, — отвечал Игого. — Спешить никогда не стоит.

— Самое главное, — сказала Аравита, — попросить прощения у Шасты.

— Вот именно! — обрадовался Игого. — Я как раз хотел это сказать.

— Ну конечно, — поддержала Уинни. — А он в Анварде. Это ведь по дороге. Почему бы нам не выйти сейчас? Мы же шли из Тархистана в Нарнию!

— Да… — медленно проговорила Аравита, думая о том, что же она будет делать в чужой стране.

— Конечно, конечно, — сказал Игого. — А всё-таки спешить нам некуда, если вы меня понимаете.

— Я не понимаю, — сказала Уинни.

— Как бы это объяснить? — замялся конь. — Когда возвращаешься на родину… в обществе… в лучшее общество… надо бы поприличней выглядеть…

— Ах, это из-за хвоста! — воскликнула Уин-

ни. — Ты хочешь, чтобы он отрос. Честное слово, ты тщеславен, как ташбаанская тархина.

— И глуп, — прибавила Аравита.

— Лев свидетель, это не так! — вскричал Игого. — Просто я уважаю и себя, и своих собратьев.

— Скажи, Игого, — спросила Аравита, — почему ты часто поминаешь льва? Я думала, ты их не любишь.

— Да, не люблю, — отвечал Игого. — Но поминаю я не каких-то львов, а самого Аслана, освободившего Нарнию от злой Колдуньи. Здесь все так клянутся.

— А он лев? — спросила Аравита.

— Конечно, нет, — возмутился Игого.

— В Ташбаане говорят, что лев, — сказала Аравита. — Но если он не лев, почему ты зовешь его львом?

— Тебе ещё этого не понять, — сказал Игого. — Да и сам я был жеребёнком, когда покинул Нарнию, и не совсем хорошо это понимаю.

Говоря так, Игого стоял задом к зелёной стене, а Уинни и Аравита стояли к ней (значит — и к нему) лицом. Для пущей важности он прикрыл глаза и не заметил, как изменились вдруг и девочка, и лошадь. Они просто окаменели и разинули рты, ибо на стене появился преогромный ослепитель-

но-золотистый лев. Мягко спрыгнув на траву, лев стал приближаться сзади к коню, беззвучно ступая. Уинни и Аравита не могли издать ни звука от ужаса и удивления.

— Несомненно, — говорил Игого, — называя его львом, хотят сказать, что он силён, как лев, или жесток, как лев, — конечно, к своим врагам. Даже в твои годы, Аравита, можно понять, как нелепо считать его *настоящим* львом. Более того, это непочтительно. Если бы он был львом, он был бы животным, как мы. — Игого засмеялся. — У него были бы четыре лапы, и хвост, и усы…

Ой-ой-ой!

Дело в том, что при слове «усы» один ус Аслана коснулся его уха. Игого отскочил в сторону и обернулся. Примерно с секунду все четверо стояли неподвижно. Потом Уинни робкой рысью подбежала ко льву.

— Дорогая моя дочь, — сказал Аслан, касаясь носом её бархатистой морды. — Я знал, что тебя мне ждать недолго. Радуйся.

Он поднял голову и заговорил громче.

— А ты, Игого, — сказал он, — ты, бедный и гордый конь, подойди ближе. Потрогай меня. Понюхай. Вот мои лапы, вот хвост, вот усы. Я, как и ты, — животное.

— Аслан, — проговорил Игого, — мне кажется, я глуп.

— Счастлив тот зверь, — отвечал Аслан, — который понял это в молодости. И человек тоже. Подойди, дочь моя Аравита. Я втянул когти, не бойся. На сей раз я не поцарапаю тебя.

— На сей раз?.. — испуганно повторила Аравита.

— Это я тебя ударил, — сказал Аслан. — Только меня ты и встречала, больше львов не было. Да, поцарапал тебя я. А знаешь, почему?

— Нет, господин мой, — сказала она.

— Я нанёс тебе ровно столько ран, сколько мачеха твоя нанесла бедной девочке, которую ты напоила сонным зельем. Ты должна была узнать, что испытала твоя раба.

— Скажи мне, пожалуйста… — начала Аравита и замолкла.

— Говори, дорогая дочь, — сказал Аслан.

— Ей больше ничего из-за меня не будет?

— Я рассказываю каждому только его историю, — отвечал лев.

Потом он встряхнул головой и заговорил громче:

— Радуйтесь, дети мои, — сказал он. — Скоро мы встретимся снова. Но раньше к вам придёт

другой.

Одним прыжком он взлетел на стену и исчез за нею.

Как это ни странно, все долго молчали, медленно гуляя по зелёной траве. Примерно через полчаса отшельник позвал лошадей к заднему крыльцу, он хотел их покормить. Они ушли, и тут Аравита услышала звуки труб у ворот.

— Кто там? — спросила она, и голос возвестил:

— Его королевское высочество принц Кор Орландский.

Аравита открыла ворота и посторонилась.

Вошли два воина с алебардами и стали справа и слева. Потом вошёл герольд, потом трубач.

— Его королевское высочество принц Кор Орландский просит аудиенции у высокородной Аравиты, — сказал герольд, и они с трубачом отошли в сторону, и склонились в поклоне, и солдаты подняли свои алебарды, и вошёл принц. Тогда все, кроме него, вышли обратно, за ворота, и закрыли их.

Принц поклонился (довольно неуклюже для высокой особы), Аравита склонилась перед ним (очень изящно, хотя и на тархистанский манер), а потом на него посмотрела.

Он был мальчик как мальчик, без шляпы и без короны, только очень тонкий золотой обруч охватывал его голову. Сквозь короткую белую тунику не толще носового платка пламенел алый камзол. Левая рука, лежавшая на эфесе шпаги, была перевязана.

Только взглянув на него второй раз, Аравита вскрикнула:

— Ой, да это Шаста!

Шаста сильно покраснел и быстро заговорил:

— Ты не думай, я не хотел перед тобой выстав-

ляться!.. У меня нет другой одежды, прежнюю сожгли, а отец сказал…

— Отец? — переспросила Аравита.

— Король Лум, — объяснил Шаста. — Я мог бы и раньше догадаться. Понимаешь, мы с Корином близнецы. Да, я не Шаста, а Кор!

— Очень красивое имя, — сказала Аравита.

— У нас в Орландии, — продолжал Кор (теперь мы будем звать его только так), — близнецов называют Дар и Дарин, Коль и Колин и тому подобное.

— Шаста… то есть Кор, — перебила его Аравита, — дай мне сказать. Мне очень стыдно, что я тебя обижала. Но я изменилась ещё до того, как узнала, что ты принц. Честное слово! Я изменилась, когда ты вернулся, чтобы спасти нас от льва.

— Он не собирался вас убивать, — сказал Кор.

— Я знаю, — кивнула Аравита, и оба помолчали, поняв, что и он, и она беседовали с Асланом.

Наконец Аравита вспомнила, что у Кора перевязана рука.

— Ах, я и забыла! — воскликнула она. — Ты был в бою. Ты ранен?

— Так, царапина, — сказал Кор с той самой интонацией, с какой говорят вельможи, но тут

же фыркнул: — Да нет, это не рана, это ссадина.

— А всё-таки ты сражался, — сказала Аравита. — Наверное, это очень интересно.

— Битва совсем не такая, как я думал, — сказал Кор.

— Ах, Ша… нет, Кор! Расскажи мне, как король узнал, что ты — это ты.

— Давай присядем, — сказал Кор. — Это быстро не расскажешь. Кстати, отец у меня — лучше некуда. Я бы любил его точно так же… почти так же, если бы он не был королем. Конечно, меня будут учить и всё прочее, но ничего, потерплю. А история моя такая: мы с Корином близнецы. Когда нам исполнилась неделя, нас повезли к старому доброму кентавру — благословить или что-то в этом роде. Он был пророк, кентавры часто бывают пророками. Ты их не видела? Ну и дяди! Честно, я их немножко боюсь. Тут ко многому надо привыкнуть…

— Да, — согласилась Аравита, — ну, рассказывай, рассказывай!

— Так вот, когда ему нас показали, он взглянул на меня и сказал: «Этот мальчик спасет Орландию от великой опасности». Его услышал один придворный, лорд Бар, который раньше был у отца лордом-канцлером и сделал что-то плохое (не знаю, в чём там дело), и отец его разжаловал. Придворным оставил, а канцлером — нет. Вообще, он был очень плохой — потом оказалось, что он за деньги посылал всякие сведения в Ташбаан. Так вот, он услышал, что я спасу страну, и решил меня уничтожить. Он похитил меня — не знаю, как — и вышел в море на корабле. Отец погнался за ним, нагнал на седьмой день, и у них был морской бой с десяти часов утра до самой ночи. Этого Бара убили, но он успел спустить на воду шлюпку, посадив туда одного рыцаря и меня. Лодка эта пропала. На самом деле Аслан пригнал её к берегу, туда, где жил Аршиш. Хотел бы я знать, как звали того рыцаря! Он меня кормил, а сам умер от голода.

— Аслан сказал бы, что ты должен знать только о себе, — заметила Аравита.

— Да, я забыл, — сказал Кор.

— Интересно, — продолжала она, — как ты спасёшь Орландию.

— Я уже спас, — застенчиво ответил Кор.

Аравита всплеснула руками.

— Ах, конечно! Какая же я глупая! Рабадаш уничтожил бы её, если бы не ты. Где же ты будешь теперь жить? В Анварде?

— Ой! — сказал Кор. — Я чуть не забыл, зачем пришёл к тебе. Отец хочет, чтобы ты жила с нами. У нас при дворе (они говорят, что это двор, не знаю уж — почему). Так вот, у нас нет хозяйки с той поры, как умерла моя мать. Пожалуйста, согласись. Тебе понравятся отец… и Корин. Они не такие, как я, они воспитанные…

— Прекрати! — воскликнула Аравита. — Конечно, я соглашаюсь.

— Тогда пойдём к лошадям, — сказал Кор.

Подойдя к ним, Кор обнял Игого и Уинни и всё рассказал им, а потом все четверо простились с отшельником, пообещав не забывать его. Дети не сели в седла — Кор объяснил, что ни в Орландии, ни в Нарнии никто не ездит верхом на говорящей лошади, разве что в бою.

Услышав это, бедный конь вспомнил снова, как мало он знает о здешних обычаях и как много ошибок может сделать.

Уинни предалась сладостным мечтам, а он становился мрачнее и беспокойней с каждый шагом.

— Ну что ты, — говорил ему Кор. — Подумай, каково мне. Меня будут *воспитывать*, будут учить грамоте, и танцам, и музыке, и геральдике, а ты знай скачи по холмам, сколько хочешь.

— В том-то и дело, — сказал Игого. — Скачут ли говорящие лошади? А главное — катаются ли они по земле?

— Как бы то ни было, я кататься буду, — сказала Уинни. — Думаю, они и внимания не обратят.

— Замок ещё далеко? — спросил конь у принца.

— За тем холмом, — отвечал Кор.

— Тогда я покатаюсь, — сказал Игого, — хотя бы в последний раз!

Катался он минут пять, потом угрюмо сказал:

— Что же, пойдём. Веди нас, Кор Орландский.

Но вид у него был такой, словно он везёт погребальную колесницу, а не возвращается домой, к свободе, после долгого плена.

Глава пятнадцатая

Рабадаш Вислоухий

Когда они наконец вышли из-под деревьев, то

увидели зелёный луг, прикрытый с севера лесистой грядой, и королевский замок, очень старый, сложенный из тёмно-розового камня.

Король уже шёл им навстречу по высокой траве. Аравита совсем не так представляла себе королей — на нём был потёртый камзол, ибо он только что обходил псарню и едва успел вымыть руки. Но поклонился он с такой учтивостью и с таким величием, каких она не видела в Ташбаане.

— Добро пожаловать, маленькая госпожа, — сказал он. — Если бы моя дорогая королева была жива, тебе было бы здесь лучше, но мы сделаем для тебя всё, что можем. Сын мой Кор рассказал мне о твоих злоключениях и о твоём мужестве.

— Это он был мужественным, государь, — отвечала Аравита. — Он кинулся на льва, чтобы спасти нас с Уинни.

Король просиял.

— Вот как? — воскликнул он. — Этого я не слышал.

Аравита всё рассказала, а Кор, который очень хотел, чтобы отец узнал об этом, совсем не так радовался, как думал прежде. Скорее ему было неловко. Зато отец очень радовался и много раз пересказывал придворным подвиг своего сына, отчего принц совсем уж смутился.

С Игого и Уинни король был учтив, как с Аравитой, и долго с ними беседовал. Лошади отвечали нескладно — они ещё не привыкли говорить со взрослыми людьми. К их облегчению, из замка вышла королева Люси, и король сказал Аравите:

— Дорогая моя, вот наш большой друг, королева Нарнии. Не пойдёшь ли ты с нею отдохнуть?

Люси поцеловала Аравиту, и они сразу полюбили друг друга и ушли в замок, беседуя о том, о чём беседуют девочки.

Завтрак подали на террасе (то были холодная дичь, пирог, вино и сыр); когда все ещё ели, король Лум нахмурился и сказал:

— Ох-ох-ох! Нам надо ещё что-то сделать с беднягой Рабадашем.

Люси сидела по правую руку от короля, Аравита — по левую. Во главе стола сидел король Эдмунд, напротив него лорды — Дарин, Дар, Перидан; Корин и Кор сидели напротив дам и короля Лума.

— Отрубите ему голову, ваше величество, — сказал Перидан. — Кто он, как не убийца?

— Спору нет, он негодяй, — сказал Эдмунд. — Но и негодяй может исправиться. Я знал такой случай… — И он задумался.

— Если мы убьём Рабадаша, на нас нападет Тисрок, — сказал Дарин.

— Ну что ты! — сказал король Орландии. — Сила его в том, что у него огромное войско, а огромному войску не перейти пустыню. Но я не люблю убивать беззащитных. В бою — дело другое, а так, хладнокровно…

— Возьми с него слово, что он больше не будет, — сказала Люси. — Может быть, он его и сдержит.

— Скорей уж обезьяна его сдержит, — сказал Эдмунд. — Дай-то Лев, чтобы он его нарушил в таком месте, где возможен честный бой.

— Попробуем, — сказал король Лум. — Приведите пленника, друзья мои.

Рабадаша привели. Выглядел он так, словно его морили голодом, тогда как на самом деле он не притронулся за эти сутки ни к пище, ни к питью от злости и ярости. И комната у него была хорошая.

— Вы знаете сами, ваше высочество, — сказал король, — что и по справедливости, и по закону мы вправе лишить вас жизни. Однако, снисходя к вашей молодости, а также к тому, что вы выросли, не ведая ни милости, ни чести среди рабов и тиранов, мы решили отпустить вас на следующих условиях: во-первых…

— Нечестивый пес! — вскричал Рабадаш. —

Легко болтать со связанным пленником! Дай мне меч, и я тебе покажу, каковы *мои* условия!

Мужчины вскочили, а Корин крикнул:

— Отец! Разреши, я его побью!

— Друзья мои, успокойтесь, — сказал король Лум. — Сядь, Корин, или я тебя выгоню из-за стола. Итак, ваше высочество, условия мои…

— Я не обсуждаю ничего с дикарями и чародеями! — вскричал Рабадаш. — Если вы оскорбите меня, отец мой Тисрок потопит ваши страны в крови. Убейте — и костры, казни, пытки тысячу лет не забудут в этих землях. Берегитесь! Богиня Таш разит метко…

— Куда же она смотрела, когда ты висел на крюке? — спросил Корин.

— Стыдись! — сказал король. — Не дерзи тем, кто слабее тебя. Тем, кто сильнее… как хочешь.

— Ах, Рабадаш! — вздохнула Люси. — Какой же ты глупый!..

Не успела она кончить этой фразы, как — к удивлению Кора — отец его, дамы и двое мужчин встали, молча глядя на что-то. Встал и он. А между столом и пленником, мягко ступая, прошел огромный лев.

— Рабадаш, — сказал Аслан, — поспеши. Судьба твоя ещё не решена. Забудь о своей гордыне

— чем тебе гордиться? И о злобе — кто обидел тебя? Прими по собственной воле милость добрых людей.

Рабадаш выкатил глаза, жутко ухмыльнулся и (что совсем нетрудно) зашевелил ушами. На тархистанцев всё это действовало безотказно, самые смелые просто тряслись, а кто послабей — падали в обморок. Он не знал, однако, что дело тут было не столько в самих гримасах, сколько в том, что по его слову вас немедленно сварили бы живьём в кипящем масле. Здесь же эффекта не было; только сердобольная Люси испугалась, что ему плохо.

— Прочь! — закричал Рабадаш. — Я тебя знаю! Ты — гнусный демон, мерзкий северный бес, враг богов. Узнай, низменный призрак, что я — потомок великой богини, Таш неумолимой! Она разит метко. Проклятие её — на тебе. Тебя поразит молния… искусают скорпионы… здешние горы обратятся в прах…

— Тише, Рабадаш, — кротко сказал Лев. — Судьба твоя вот-вот свершится, она — у дверей, она их сейчас откроет.

— Пускай! — кричал Рабадаш. — Пускай упадут небеса! Пускай разверзнется земля! Пускай кровь зальёт эти страны, огонь сожжёт их! Я не сдамся,

пока не притащу в свой дворец за косы эту дочь гнусных псов, эту…

— Час пробил, — сказал Лев; и Рабадаш, к своему ужасу, увидел, что все смеются.

Удержаться от смеха было трудно, ибо уши у пленника (он всё ещё шевелил ими) стали расти и покрываться серой шёрсткой. Пока все думали, где же они видели такие уши, у него уже были копыта и на ногах, и на руках, а вскоре появился и хвост. Глаза стали больше, лицо — у́же, оно как бы всё превратилось в нос. Он опустился на четвереньки, одежда исчезла, а смешней (и страшней) всего было, что последним он утратил дар слова и успел отчаянно прокричать:

— Только не в осла! Хоть в коня… в коня — а-э-а-ио-о-о!

— Слушай меня, Рабадаш, — сказал Аслан. — Справедливость смягчится милостью. Ты не всегда будешь ослом.

Осел задвигал ушами, и все, как ни старались сдержаться, захохотали снова.

— Ты поминал богиню Таш, — продолжал Аслан. — В её храме ты обретёшь человеческий облик. На осеннем празднике в этом году ты встанешь перед её алтарем, и при всем народе с тебя спадёт ослиное обличье. Но если ты когда-нибудь

удалишься от этого храма дальше, чем на десять миль, ты опять станешь ослом, уже навсегда.

Сказав это, Аслан тихо ушёл. Все как бы очнулись, но сиянье зелени, и свежесть воздуха, и радость в сердце доказывали, что это не был сон. Кроме того, осёл стоял перед ними.

Король Лум был очень добрым и, увидев врага в столь плачевном положении, сразу забыл свой гнев.

— Ваше высочество, — сказал он. — Мне очень жаль, что дошло до этого. Вы сами знаете, что мы тут ни при чём. Не сомневайтесь, мы переправим вас в Ташбаан, чтобы вас там… э-э… вылечили. Сейчас вам дадут самых свежих репейников и морковки…

Неблагодарный осел дико взревел, лягнул одного из лордов, и на этом мы кончим рассказ о царевиче Рабадаше; но мне хотелось бы сообщить, что его со всей почтительностью отвезли в Ташбаан и привели в храм богини на осенний праздник, и тут он снова обрёл человеческий облик. Множество народу — тысяч пять — видели это, но что поделаешь; а когда умер Тисрок, в стране наступила вполне сносная жизнь. Произошло это по двум причинам: Рабадаш не вёл никаких войн, ибо знал, что отпускать войско без

себя очень опасно (полководцы нередко свергают потом царей), а кроме того, народ помнил, что он некогда был ослом. В лицо его называли Рабадашем Миротворцем, а за глаза — Рабадашем Вислоухим. И если вы заглянете в историю его страны (спросите её в городской библиотеке), он значится там именно так. Даже теперь в тархистанских школах говорят про глупого ученика: «Второй Рабадаш!»

Когда осла увезли, в замке Лума начался пир. Вино лилось рекой, сверкали огни, звенел смех, а потом наступило молчание и на середину луга вышел певец с двумя музыкантами. Кор и Аравита приготовились скучать, ибо не знали других стихов, кроме тархистанских, но певец запел о том, как светловолосый Олвин победил двухголового великана, и обратил его в гору, и взял в жены прекрасную Лили, и песня эта — или сказка — им очень понравилась. Игого петь не умел, но рассказал о битве при Зулиндрехе, а королева Люси — о злой Колдунье, Льве и платяном шкафе (историю эту знали все, кроме наших четырёх героев).

Наконец король Лум послал младших спать и прибавил на прощание:

— А завтра, Кор, мы осмотрим с тобою замок и

земли, ибо, когда я умру, они будут твоими.

— Отец, — сказал Кор, — править будет Корин.

— Нет, — отвечал Лум. — Ты мой наследник.

— Я не хочу, — сказал Кор. — Я бы лучше…

— Дело не в том, чего ты хочешь, и не в том, чего хочу я. Таков закон.

— Но мы ведь близнецы!

Король засмеялся:

— Кто-то рождается первым. Ты старше его на двадцать минут. Надеюсь, ты и лучше его, хотя это нетрудно. — И он ласково взглянул на младшего сына, который нимало не обиделся.

— Разве ты не можешь назначить наследником кого тебе угодно? — спросил Кор.

— Нет, — сказал король. — Мы, короли, подчиняемся закону. Лишь закон и делает нас королями. Я не свободней, чем часовой на посту.

— Ой! — сказал Кор. — Это мне не нравится. А Корин… я и не знал, что подкладываю ему такую свинью.

— Ура! — крикнул Корин. — Я не буду королём! Я всегда буду принцем, это куда веселее.

— Ты и не знаешь, Кор, как прав твой брат, — сказал король Лум. — Быть королём — это значит идти первым в самый страшный бой и отступать последним, а когда бывает неурожай, надевать

самые нарядные одежды и смеяться как можно громче за самой скудной трапезой во всей стране.

Подходя к опочивальне, Кор ещё раз спросил, нельзя ли всё изменить, а Корин сказал:

— Вот стукну, тогда узнаешь!

Я был бы рад завершить повесть словами о том, что больше братья никогда не спорили, но мне не хочется лгать. Они ссорились и дрались ровно столько, сколько ссорятся и дерутся все мальчишки их лет, и побеждал обычно Корин. Когда же они выросли, Кор лучше владел мечом, но Корин дрался врукопашную лучше в обоих королевствах. Потому его и прозвали Громовым Кулаком и потому он победил страшного медведя, который был говорящим, но сбежал к немым, а это очень плохо. Корин пошёл на него один зимой и победил на тридцать третьем раунде, после чего медведь исправился.

Аравита тоже часто ссорилась с Кором (боюсь — иногда и дралась), но всегда мирилась, а когда они выросли и поженились, всё это было им не в новинку. После смерти своего короля они долго и мирно правили Орландией и Рам Великий — их сын. Игого и Уинни счастливо жили в Нарнии и прожили очень долго, но не поженились, каж-

дый завёл собственную семью, и оба они почти каждый месяц переходили рысью перевал, чтобы навестить в Анварде своих венценосных друзей.